

С.Н. ЗУБРИЛИНА

МИФЫ XX ВЕКА

"И стал я великим,
а был я живым"

Владимир Высоцкий:
жизнь, легенда, судьба

12+

Светлана Зубрилина

**Владимир Высоцкий – жизнь,
легенда, судьба: «И стал я
великим, а был я живым»**

«Автор»

1998

Зубрилина С. Н.

Владимир Высоцкий – жизнь, легенда, судьба: «И стал я великим, а был я живым» / С. Н. Зубрилина — «Автор», 1998

ISBN 978-5-532-03845-5

Владимир Высоцкий – кумир целого ряда поколений советского и настоящего времени. Книга посвящена короткой, но яркой жизни человека, ставшего одной из легенд двадцать первого века. Легенда и реальность, правда и вымысел, прошлое и настоящее – все переплелось в этой книге. Автор рассказывает о жизни и творчестве Владимира Высоцкого, основываясь на известных фактах его биографии, воспоминаниях родных, близких, коллег и друзей. К 70-летию В. Высоцкого издание цитировалось на радио «Шансон» в течение года, в рубрике «70 лет – 70 фактов биографии». У каждого – свой Высоцкий. И найти его читателям ненавязчиво поможет именно эта книга.

ISBN 978-5-532-03845-5

© Зубрилина С. Н., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Глава 1. Мы все родом из детства	6
Глава 2. На Большом Каретном	16
Глава 3. «С чего началась моя актерская карьера?»	23
Глава 4. Театр на Таганке	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Зубрилина
Владимир Высоцкий – жизнь, легенда,
судьба: «И стал я великим, а был я живым»

*Эта смерть не моя – есть ущерб и зачет
жизни кровно моей, лбом упершейся в стену.*

Б. Ахмадулина

Глава 1. Мы все родом из детства

Первый раз получил я свободу

По Указу от тридцать восьмого...

Холодным зимним днем 25 января 1938 года в Москве родился Владимир Высоцкий. Из роддома на Третьей Мещанской улице мать Нина Максимовна и дядя Алексей Владимирович принесли будущего поэта, артиста и певца на Первую Мещанскую (ныне проспект Мира), 126. Это было старое трехэтажное здание, стоявшее чуть наискось от Рижского вокзала, где до революции размещались шумные номера гостиницы «Наталис», превратившиеся после Октября в большие коммунальные квартиры. В одной из таких коммуналок долгие годы жил Владимир Высоцкий.

Он не мог появиться на свет обычно. Так, как рождались миллионы других, талантливых и простых людей. Не мог приходом в этот мир не вызвать споров и разногласий. Все началось задолго до его рождения. Какое дать ребенку имя? Этот вопрос бурно обсуждали и подруги Нины Максимовны, и товарищи ее мужа – Семена Владимировича, и соседи. Девочку решили назвать Алисой, а имя мальчику никак не могли выбрать. Называли по алфавиту: Александр, Андрей, Алексей, Борис, Василий, Владимир..., но ко дню его появления так ни на чем и не остановились. В роддоме Нина Максимовна вдруг вспомнила, что, уезжая в командировку, Семен Владимирович попросил:

– Назови сына Владимиром: в честь моего отца и твоего брата – моего товарища!.. – к тому же в стране как раз отмечались ленинские дни, прибавился еще один повод назвать сына Владимиром, что она и сделала.

Но вдруг позже Нина Максимовна получает в роддом поздравление, красочную открытку – кошечку, качающую в люльке котенка, – где написано: «Мы, соседи, поздравляем Вас с рождением нового гражданина СССР и всем миром решили назвать его Олегом, Олег – предводитель Киевского государства!». Когда Нина Максимовна вернулась домой с Владимиром, многие соседи, особенно дети, были очень недовольны и какое-то время никак его не называли. Потом, правда, привыкли: Вова, Вовочка, Владимир – «владыка мира». Итак, родился еще один властелин мира, но как позже оказалось, завладел он не бескрайними просторами, а миром людских сердец!

В родословной Владимира Высоцкого нет ничего выдающегося, но все же интересно о ней узнать, потому как судьба человека всегда связана с жизнью родных, а в характере его иногда просматриваются черты близких людей предыдущих поколений. Дед Высоцкого по отцу – тезка по имени, отчеству и фамилии – Владимир Семенович Высоцкий – был родом из Брест-Литовска, из семьи преподавателя русского языка, имевшего также и профессию стеклодува. По воспоминаниям родных, дед Высоцкого отличался глубокой интеллигентностью, беспокойным характером и страстью к обучению. У него было три высших образования – юридическое, экономическое и химическое. Жена Владимира Семеновича, Дарья Алексеевна Семененко, работала медсестрой и косметологом. Она очень любила своего первого внука Володю и была в последние годы жизни страстной поклонницей его песен.

Другой дед Высоцкого, по матери, Максим Иванович Серегин, приехал в Москву в возрасте четырнадцати лет из села Огарева Тульской губернии. Позже он стал работать швейцаром в разных московских гостиницах: в «Марселе» на углу Петровки и Столешникова переулка, в «Новомосковской», в последние годы жизни – в «Фантазии». У них с женой Евдокией Андреевной Синотовой было пятеро детей, в том числе и Нина Максимовна. Она родилась в 1912 году. После ранней смерти родителей стала жить самостоятельно, занимаясь воспитанием младшего брата. Закончила Московский комбинат иностранных языков, работала переводчиком-референтом немецкого языка в иностранном отделе ВЦСПС, затем гидом в «Интуристе».

В первые годы войны Нина Максимовна служила в бюро транскрипции при Главном управлении геодезии и картографии МВД СССР. Затем сменила несколько должностей и мест работы. Закончила трудовую деятельность начальником бюро технической документации в НИИХиммаше.

Отец Владимира Высоцкого, Семен Владимирович, родился в 1915 году в Киеве. В 30-е годы он приехал в Москву. В 1936 году закончил политехникум связи, затем там же курсы вневоинсковой подготовки. Навсегда связал свою жизнь с армией. Семен Владимирович прошел Великую Отечественную войну от первого до последнего дня. Затем окончил Военную академию связи, служил в различных гарнизонах и ушел в отставку в звании полковника.

Нина Максимовна познакомилась с Семеном Владимировичем в середине 30-х годов, во время его учебы в Москве. Они поженились. Родился Володя. И хотя их совместная судьба не сложилась, встречу этих двух людей, давших жизнь такому человеку, как Владимир Высоцкий, нельзя назвать несчастливой.

Первые годы жизни Володи, как было сказано, прошли в многоквартирной коммуналке на Первой Мещанской. Родные и знакомые, вспоминая каким Высоцкий был в раннем детстве, говорят, что он был занятым, очень общительным ребенком. Это и понятно: коммунальная квартира для малыша – микространа, в которой он всегда свой, где, не выходя из дома, можно поиграть, побеседовать со множеством взрослых и детей, где тебе всегда рады и могут помочь.

«Детские впечатления очень сильные, – вспоминал позже в одном из своих выступлений Владимир Высоцкий. – Я помню с двух лет, невероятно просто, все события. Я помню, например, как... я провожал отца на фронт. (Семен Владимирович уехал в воинскую часть в марте 1941 года.). Досконально просто, до одной секунды. Как меня привели в поезд, как я сел, сказал: «Вот тут мы и поедem». Они говорят: «Ну, пойдem на перрон, там погуляем». И вдруг смотрю... и он машет платком мне... А обратно меня нес муж Гиси Моисеевны, дядя Яша на руках, потому что я был в совершенном растерянности и молчал, обидевшись, что меня обманули: я уже с отцом ехал, и вдруг меня не взяли...»

Володя и в раннем детстве проявлял настойчивость в характере. Например, ему было около двух лет, когда отец купил ему клюшку и мячик. Вова ходит по комнате и пристает ко всем присутствующим там.

– Будем играть в хоккей! – причем произносит это грубоватым голосом, который с детства был у него хрипловатым.

Его отсылают к спящему на кровати дяде Яше. Володя берет клюшку, которая, надо сказать, была выше его в полтора раза – и идет к дяде. Снова начинает свое монотонное:

– Дядя Яша! Вова хочет играть в хоккей!..

В ответ никакой реакции. Но невнимание к племяннику заканчивается для дяди плачевно: со всего маху Володя бьет его клюшкой по весьма болезненному месту.

– Что ты делаешь?! – в ярости вскакивает спросонья дядя Яша.

– Вова хочет играть в хоккей...

Нина Максимовна в то время увлекалась театром, и дома, в коридоре или на кухне, где обычно случались общие чаепития, часто устраивались детские концерты и представления. Маленький Вова с удовольствием принимал в них участие. Он забирался на табуретку, повыше, чтобы все его видели, и читал перед собравшимися наизусть стихи: Маршака «Почемучку», «Детки в клетке», Некрасова «Мужичок с ноготок», отбрасывал назад волосы, как настоящий поэт, и громко декламировал:

Климу Ворошилову письмо я написал:

«Товарищ Ворошилов, народный комиссар,

В Красную армию в нынешний год,

В Красную Армию брат мой идет...»

У Нины Максимовны в сундуке оставалось много старинных вещей от матери. Иногда она доставала их и наряжала сына: в берет со страусиным пером, дамское платье. Он ходил по коммунальной квартире и всех веселил. Несмотря на длинные светлые локоны, Володя, стоило ему заговорить, был мало похож на девчонку, да и в речи его часто проскальзывали такие уличные прибаутки и присказки, что Нина Максимовна порой краснела. Новый год. Вове два года. За столом гости, родители. Они просят его рассказать какой-нибудь стишок. Володя медленно идет к елке, усаживается под нее, тяжело вытягивая ноги, словно он очень устал, и произносит с интонацией извозчика

– Дар-моеды! Дайте ребенку отдохнуть!..

Когда Семен Владимирович вставал перед зеркалом, чтобы побриться, сын, осматривая его хитрым взглядом, говорил:

– Посмотрите, что творится! Наш козел решил побриться!..

Володя в детстве, по воспоминаниям матери, был остроумен, то, что он говорил, всегда выражало настроение окружающих. Например, однажды, когда на один из домашних концертов-представлений пришли люди, которых не приглашали и не очень ждали, Владимир вдруг спел незапланированную программой частушку:

– Самолет, самолет, колеса стерлися! Мы не ждали вас, а вы припёрлися!.. – выразив общее мнение нерешительных взрослых.

О доме и обстановке тех лет в квартире на Первой Мещанской, 126. Владимир Высоцкий позднее написал в «Балладе о детстве» (1975):

*...Первый раз получил я свободу
По Указу от тридцать восьмого.¹
Знать бы мне, кто так долго мурыжил, –
Отыгрался бы на подлеце!
Но родился, и жил я, и выжил –
Дом на Первой Мещанской в конце...*

В этой песне-стихе и реальность, и ирония, и злость от сознания нищеты-бедности близких ему людей:

*...Там за стеной, за стеночкою,
За перегородочкой,
Соседушка с соседочкою
Баловались водочкой.
Все жили вровень, скромно так:
Система коридорная,
На тридцать восемь комнаток –
Всего одна уборная.
Здесь зуб на зуб не попадал,
Не грела телогреечка:
Здесь я доподлинно узнал
Почем она, копеечка...*

Началась война. Нину Максимовну тревожила судьба мужа, находившегося в армии. Через несколько дней после начала военных действий в Москве появились первые эвакуированные. Среди них была жена брата Нины Максимовны с двумя маленькими детьми. Они ехали от литовской границы, где начались бомбежки, и когда появились на Первой Мещанской, были измучены, полураздеты, в ссадинах и царапинах. Ехать в Челябинск, а нет ни еды, ни одежды, ни денег! Но тут проявили доброту жильцы коммунальной квартиры: собрали кое-какие вещи, продукты, проводили беженцев в дорогу. Мать Владимира Высоцкого вспоминала, что и сын

¹ Имеется ввиду постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1938 г. о запрещении абортов.

в детстве часто раздавал свои игрушки: он словно впитывал в себя доброту и щедрость, окружавших его людей.

В то время Нина Максимовна стала работать в организации со странным названием «Бюро транскрипции», в которой занимались составлением географических карт для действующей армии, она непосредственно переводила названия с немецких карт на русский язык. Часто мать брала маленького Володю с собой на работу, где он порой засыпал на огромных столах или, когда ему становилось скучно, потихоньку убегал во двор и вел долгие беседы с вахтерами.

В Москве начинались налеты фашисткой авиации. Владимир не боялся воздушной тревоги – для него это была игра. Ему нравилось брать стеклянную банку и пугать всех в коммунальной квартире:

– Граждане! Воздушная тревога!!!

– Уйди, накликаешь!

Когда ночью раздавался тревожный вой сирен, схватив посуду с водой, теплые вещи, все прятались в убежище, находившееся на противоположной стороне улицы. Там Володя любил со всеми перезнакомиться, поиграть. Если он засыпал до отбоя, мама будила его, и он спокойно говорил:

– Отбой – пошли домой!..

Днем взрослые и дети носили на чердак дома запасы песка и воды. Вова также принимал в этом участие, но осознание того, что он делал, пришло позже:

Да, не все то, что сверху – от Бога:

И народ «зажигалки» тушил:

И, как малая фронту подмога,

– Мой песок и дырявый кувшин...

«Баллада о детстве»

В середине июля из Москвы началась эвакуация семей с детьми. Нина Максимовна решила ехать в Казань, но в последний момент обстоятельства изменились и вместе с детским садом парфюмерной фабрики «Свобода», где некоторое время воспитывался Володя, пришлось ехать на Урал. На долгие два года Высоцкие оказались в селе Воронцовка, недалеко от города Бузулук Оренбургской области. И хотя Семен Владимирович помогал жене и сыну офицерским аттестатом, ох, и не сладко им там жилось! Дети и родители находились отдельно. Для малышей организовали детский сад. Он располагался в саманной постройке, бывшем барском свинарнике, переоборудованном в советское время в клуб. Там не было ни коридоров, ни комнат – один огромный по тем временам, зал. Его разгородили шкафчиками и поселили туда детей. Здесь и жил Володя все время эвакуации, став поистине «общественным» ребенком.

Нина Максимовна квартировала у местных жителей, устроилась работать на спиртовой завод приемщицей сырья, а затем там же в лаборатории. Для городских женщин работа в Воронцовке была нелегкой. Когда на заводе заканчивалось топливо, всех отправляли на лесозаготовки. Работали порой по 12 часов, поэтому Нина Максимовна редко видела сына. Но все же иногда ей удавалось брать его к себе, подкармливать молоком, картошкой, тыквой. Володя, по словам матери, и тогда любил выдумывать, рассказывать какие-то истории: «Нам в детский сад долго было идти, и всю дорогу он фантазировал, как заберется на Луну, оттуда увидит Гитлера, его поймают, посадят в клетку и повезут, чтобы люди видели...». А порой его беспокоили очень взрослые вопросы:

– Мама, а что такое счастье?.. – Она не нашла, что ответить ему, такому маленькому, но во время следующей встречи он радостно ей сообщил: – Мамочка, сегодня у нас было счастье!

– Какое же?..

– Манная каша – без комков!..

Только летом 1943 года Нина Максимовна и Володя, благодаря вызову Семена Владимировича, получили возможность вернуться в Москву.

Переполненный поезд. Двое суток в пути. Одно «сидячее» место – Вова на чемоданах в проходе между скамейками... И вот, наконец, Москва, Казанский вокзал. Остановка. Нина Максимовна и Володя прильнули к окнам, и вдруг он громко, радостно закричал:

– Папа! Вон папа!

И правда, Семен Владимирович стоял на перроне среди встречающих. Сын никогда не видел его в военной форме, с их последней встречи прошло более двух лет, но Владимир сразу узнал отца. Что это – хорошая память, совпадение? А может быть – зов сердца?.. Встреча была короткой, и вновь Нина Максимовна с сыном остались одни на Первой Мещанской.

Новый 1944 год они встретили вместе с Александрой Ивановной Высоцкой, женой брата Семена Владимировича. После тяжелого ранения она долечивалась в Москве. Володя называл ее «моя военная тетя». Позже она вспоминала: «Я увидела сидящего на деревянном конек-качалке мальчика. Челка, ниспадающие к плечам крупные локоны. Поразили глаза: широко распахнутые, лучистые. И очень пытливые». Возможно, ее образ – стройной, в ладно сидящей военной форме, с орденом Отечественной Войны и с неизгладимой отметиной: на войне она потеряла руку – навсегда остался в памяти Высоцкого и отозвался в песнях о войне:

*И когда наши девушки сменят шинели на платья,
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять...*

Как мы уже рассказывали, Нина Максимовна была театралкой. Еще в военные годы она стала ходить с сыном в театр, на балет. Возвращаясь оттуда, Володя часто перед зеркалом пытался кого-то изобразить, прыгал, выделял замысловатые пируэты. Позже на одной из своих встреч-концертов, вспоминая о детстве, он расскажет:

– ...У меня в семье не было никого из актеров и режиссеров, короче говоря, никого из людей искусства. Но мама моя очень любила театр и с самых-самых малых лет каждую субботу – лет до тринадцати–четырнадцати – водила меня в театр. И это, наверное, осталось. Видно, в душе каждого человека остается маленький уголок от детства, который открывается навстречу искусству...

Окончилась Великая Отечественная война. Как уже раньше говорилось, совместная жизнь родителей Владимира Высоцкого не сложилась. Когда Семен Владимирович вернулся из Германии в Москву, у него уже была вторая жена – Евгения Степановна Высоцкая (Лихалатова). Они поселились у нее, в Большом Каретном переулке, д. 15, кв.4. Володя виделся с отцом, но до января 1947 года жил с Ниной Максимовной. Она так рассказывала об этом трудном послевоенном времени:

«В первом классе 273-й школы учительница попалась слишком строгая. Однажды она очень сурово наказала Володю, он молча собрал свои книжки и тетради и вышел из класса. Пришел в другой первый класс и попросил учительницу: «Можно, я буду учиться у вас, мне там не нравится...». Учительница разрешила остаться. С ней у Володи установились дружеские отношения, она приглашала его к себе домой, угощала чаем с конфетами... Кажется, ее звали Татьяной Николаевной.

В первые послевоенные годы жить было трудно. Я тогда работала в Министерстве внешней торговли, часто приходилось задерживаться на работе. Володя после школы хозяйничал дома. Соседские девочки помогали ему после школы разогревать на электроплите обед, приготовить уроки. Как-то прихожу с работы, а он говорит: «Мамочка, я сегодня заработал, – мы таскали картошку в подвал, а директор дал нам за это по полной кастрюле картошки. Я тебе сюрприз приготовил!» И подает картофельные оладьи. Черные-черные: «Я вот только маслица не нашел и испек их на водичке». На терке натер вместе со шкуркой, и я вынуждена была это съесть и похвалить».

Владимир часто оставался без присмотра, поэтому Семен Владимирович решил, что пока сын не закончит школу, будет жить с ним и Евгенией Степановной. В январе 1947 года Семен Владимирович был направлен на службу в немецкий город Эберсвальд, куда вместе с ним отправились сын и Евгения Степановна. Там же проходил службу дядя Володи – Алексей Владимирович и находилась его «военная тетя» Шура. Удивительная история жизни этой пары, сама может служить поводом для написания романа – о любви, верности, войне и победе. Общение, дружба с такими людьми, прошедшими войну во многом определили первую мечту Высоцкого о будущей профессии – он хотел стать военным.

Семен Владимирович так вспоминал о жизни в Германии:

«Дома я не бывал порой неделями: ученья, занятия в поле... Так что воспитанием Володи почти полностью занималась Евгения Степановна. Они с первых дней нашли общий язык, полюбили друг друга, чем я был рад.

В чем-то она, как мать, и потакала ему. Например, загорелось Володе иметь «костюм, как у папы», и чтоб обязательно сапоги хромовые с тупым носком... Жена обегала несколько ателье, пока нашла мастера, обувщика. Наконец, форма была готова. Володя взял свои сапоги, поставил рядом с моими, сравнил. И когда увидел, что они совершенно одинаковые, радости не было предела. Он и фотографироваться пошел с охотой.

Но уже в те годы у Володи стал проявляться характер. Евгения Степановна вспоминает, как я принес с охоты зайца. «Зачем папа это сделал?» – спросил сын у нее. Ни я, ни жена не придали этому вопросу никакого значения. В другой раз Евгения Степановна утеплila Володе ботиночки мехом убитой на охоте серны. Носить он их не стал, устроив настоящий бунт: «Жмет... Колет... Жжет пятку...». Пришлось подарить ботинки соседскому мальчику.

Отличался ли Володя от других детей? Нет. Разве что был более непоседлив, бесстрашен, а потому, как правило, был заводилой и в играх, и в проказах. Приходил домой с ободранными коленками, и было понятно, что играли в войну. Обожженные брови и копоть на лице показывали, что не обошлось без взрыва то ли гранаты, то ли патронов.

Плывать Володя научился рано. И речку Финнов, которая была тогда не полностью очищена от мин и снарядов, переплывал по несколько раз.

Мне и жене очень хотелось научить сына игре на фортепиано. Пригласили учителя музыки. По его словам, музыкальный слух у сына был абсолютный. Но улица прямо-таки манила Володю. Тогда Евгения Степановна пошла на хитрость: сама стала учиться музыке, вызвала Володю как бы на соревнование. И сын стал меньше шалить, посерьезнел.

Уже в детстве в его характере ярко проявилась доброта. Мы купили ему велосипед. Он покатался немного и вдруг подарил его немецкому мальчику, объяснив: «Ты у меня живой, а у него нет папы...». Что тут было сказать...»

Здесь в Германии произошла неприятная история с немкой, в особняке которой жили Высоцкие. Вскоре после прибытия туда Володя прибежал к Евгении Степановне на кухню и позвал в волнении:

- Пойдем, я тебе что покажу.
- Что такое. Вовочка? – спросила она.
- Мы живем у фашиста!
- Что ты?!

Володя показал Евгении Степановне фотографию над письменным столом в комнате фрау Ани, где был изображен хозяин дома со свастикой на мундире.

С этого дня Владимир стал очень плохо относиться к фрау Ани, и семье Высоцких пришлось переехать в другой дом. И даже когда прошло время, Володя был непримирим: однажды, встретив фрау Ани с мужем, он подбежал к нему и крикнул:

- Вилли, ты – фашист!

– Володя, так нельзя, – стала говорить Евгения Степановна. Но мальчика было трудно удержать:

– Да, он убивал детей! Он мог папу убить, он мог тебя убить. Он всех детей убивал, он – фашист...

Живя в Эберсвальде. Володя не забывал о матери, своих друзьях, знакомых. Вот несколько его писем в Москву:

«Дорогая мамочка! Я живу очень хорошо. Хожу в школу, стараюсь учиться хорошо. Папа мне делает подарки. У меня уже два новых костюма, ботинки и пальто. Завтра тетя Женя закажет мне сапоги. Напиши Вовин адрес.

Целую, твой Вова»²

«4 апреля.

Дорогая мамочка! Живу я хорошо, здоров. Учусь хорошо, двойки не получаю. У нас уже тепло, в школу хожу в летнем пальто. К 1-му мая мне заказали два костюма. Привет Попову, Севрюкову, Вере Яковлевне, Шуре и всем.

Целую, твой Вова».

«19/V-48.

Здравствуй, дорогая мамочка! Я живу хорошо. Окончил 3-й класс и перешел с такими отметками за год: письмо 4, арифметика 4, рисование 3, физкультура 5, пение 3, поведение 5, прилежание 4. Мама, когда я пошел в 3-й класс, я сказал тете Жене, как долго еще учиться. Я удивляюсь, как быстро прошло время. Двадцать четвертого мая я уезжаю на курорт в Бадальф. Меня примут в Суворовское училище, если я здам конкурс лучше всех. Пиши, жду ответа, целую.

Твой сын Вова».

«28/X-48.

Здравствуй, дорогая мамочка! Я получил твое письмо, ты написала, что пришлешь книгу «Молодая гвардия». Я достал эту книгу, так что не присылай. Я живу хорошо, учусь в 4-м классе на хорошо. У меня такие оценки: письмо 4, арифметика 4, чтение 4, развитие речи 3, история 5, естествознание 4, география 5. Школа у нас открылась 25/VII-48, а я приехал 30/VIII-48. Мамочка, поздравляю тебя с праздником 30 лет ВЛКСМ и 31 годовщиной Октября. Как живет дядя Жора? Передавай ему привет. Целую. Привет Вере Яковлевне, Шуре и другим.

Твой сын Вова».

В октябре 1949 г. Высоцкие вернулись в Москву. Владимир продолжил свое обучение в новой школе №186, которая находилась там же, где поселилась их семья, на Большом Каретном.

Он появился в 5 «Е» классе аккуратным и, по тому времени, дорого одетым: в замшевой рыжей куртке, новеньких ботинках – и ему сразу дали прозвище «американец». Позже Евгения Степановна вспоминала, что Володя тогда вернулся из школы в слезах и просил родителей одеть его «как все». Первая обидная кличка «американец» у Высоцкого была недолго. Несмотря на внешность отличника, Владимир оказался мастером всяческих проказ. Например, в школе существовало строгое правило: пока не закончатся все уроки, не выпускать из здания учеников с портфелями, – и идея сбрасывать сумки в окно и затем невозмутимо проходить мимо сторожа, принадлежала Высоцкому. Вскоре у него появилось прозвище Высота, которое тот носил много лет.

Учился он хорошо, но, по воспоминаниям родителей и одноклассников, благодаря своим способностям, а не усердию. Очень часто Володя на уроках начинал кого-то изображать, пародировать, чем, естественно, учителя были недовольны, у него появлялись «неуды» по поведе-

² Письма приводятся с сохранением орфографии и пунктуации автора. – авт.

нию. Племянница Евгении Степановны, Лидия Николаевна Сарнова, которая не один год прожила вместе с Высоцкими в Москве на Большом Каретном, вспоминала такой случай:

– ...Когда Евгения Степановна уезжала в Киев – там служил Семен Владимирович, – мы с Володей оставались одни... Иногда я проверяла, как он выучил уроки. Я не верила, что за полчаса можно приготовить все домашние задания. Ну, никак не могла поверить! А однажды даже разозлилась: «Безобразие какое! За тридцать минут ты успел сделать все уроки!». А Володя мне отвечает: «Лидик, дай мне все что угодно, я сейчас же выучу». Я дала ему Некрасова «Русские женщины», потому что знала, что это трудно учиться. Да и текст довольно большой. Даю вам честное слово – через двадцать минут он вышел из другой комнаты и все рассказал наизусть. «Все, я больше тебя не проверяю. Убедил!».

Владимир Высоцкий в годы детства и юношества не отличался крепким телосложением. В мужской школе, где он учился, были физически сильные ребята и случалось, что они поколачивали Высоцкого. Его одноклассник Владимир Акимов вспоминает: «Он привык ценить и уважать физическую силу и крепкие кулаки. Районы Москвы, где он жил, раньше считались не очень респектабельными, так сказать. Отсюда и его интерес к так называемым «блатным» песням. Этот интерес возник по большей части из чувства протеста...». Несомненно, что некоторые эпизоды «дворовой» и школьной жизни Владимира Высоцкого вошли в его произведения. Например, в 8-м классе преподаватель зоологии дала ученикам задание вырастить плесень на куске черного хлеба. Это было очень трудно, так как в послевоенное время все съедалось. Выполнил задание отличник и Володя. Он принес плесень на морковке – то ли вырастил, то ли случайно обнаружил и принес на урок. У учительницы было прозвище Морковка, поэтому простить эту выходку Высоцкому она не могла до окончания школы. И позже эта автобиографическая история попала в прозаическое произведение Владимира Высоцкого «Роман о девочках» (1977). Героиня этой потрясающе правдивой повести, Тамара Полуэктова так рассказывает о своих школьных годах: «Я всегда училась хорошо, и говорили, что я самая красивая в классе, и учителя-мужчины меня любили, женщины – нет. Одна – Тамара Петровна, наш классный руководитель, учитель ботаники, просто меня ненавидела, особенно, когда причешусь или когда веселая. Однажды нам дали на дом задание вырастить на хлебе плесень. Хлеб нужно намочить и под стакан, и через несколько дней на нем – как вата – это и есть плесень. Так вот у меня она на хлебе не выросла, зато выросла на овощах, у нас в ящике под кухонным столом. Я ее, недолго думая, под стакан и в школу: вот глядите – выросла на морковке. И только тут вспомнила про кличку. Был скандал, вызывали мать и строго ее предупредили, что я вырасту распушенной женщиной».³

Уже в то время Владимир умел интересно рассказывать, разыгрывать всякие истории. «Пишу я очень давно. С восьми лет писал я всякие вирши, детские стихи про салют, – вспоминал позже он. – А потом, когда стал немножко постарше, писал всевозможные пародии...». В школе Высоцкий часто сочинял эпиграммы на своих одноклассников, знакомых. Его одноклассник, близкий друг Игорь Васильевич Кохановский вспоминает, что однажды получил травму, и ему надо было вставлять зубы, а когда ему их вставили, то один зуб, как было тогда модно, стал золотым. В связи с этим Володя написал эпиграмму:

*Напившись, ты умрешь под забором,
Не заплачет никто над тобой.
Подойдут к тебе гадкие воры,
Тырснут кепку и зуб золотой.*

Или, например, по словам Кохановского, такова история песни «На Большом Каретном»:

– Там стояла наша школа, и там жил Володя, а в этом же доме жил его хороший друг и даже хороший родственник – Анатолий Утевский. Толя учился в той же школе и был двумя

³ Высоцкий В.С. Поэзия и проза. М.: Кн. палата. 1989.с.379-380

классами старше нас. Он был из семьи потомственных юристов и, когда окончил школу, поступил в МГУ на юридический факультет... Утевский проходил практику на Петровке, 38. И ему дали пистолет – черный такой, помните: «Где твой черный пистолет?!...». И вот на этого Толяна тоже была эпиграмма. Я сейчас не помню, не ручаюсь за точность первых двух строк. В общем, этот Толя был очень красивый, и Володя написал (да, если кто-то не знает – до революции самым знаменитым адвокатом в Москве был Плевако...):

*Красавчик, сердцеед, гуляка,
Всем баловням судьбы под стать...
Вообразил, что он Плевако,
А нам на это – наплевать!*

Вообще, он (Высоцкий) был очень остроумным человеком и при случае делал что-то смешное...

Или вот еще один комичный эпизод из жизни старшеклассника Володи Высоцкого. В то время он и другие подростки очень любили посещать сад «Эрмитаж». Там всегда были билетеры, барьеры и высокие заборы. Владимир проходил мимо контролеров с глуповатым выражением лица, странно перебирал пальцами и говорил, проглатывая буквы:

– Датуйте!.. – вместо «здравствуйте». Естественно, его принимали за умалишенного и не требовали денег.

В школьные годы Владимир Высоцкий увлекался литературой, особенно поэзией «серебряного века». А в детстве, когда отец запрещал ему читать в постели, чтобы не испортить зрение, он забирался под одеяло с книжкой и фонариком.

Рядом со школой, где учился Владимир, находилась женская № 187. Однажды в 10-м классе он и несколько его одноклассников пошли туда на общий вечер, посвященный 7 ноября. Праздник проходил казенно и скучно. Девочкам было неинтересно. И тут Высоцкий вышел на сцену и рассказал пародию на басню Крылова. Зрители оживились, в зале смеялись и аплодировали, но... Владимир за это получил тройку по поведению в первой четверти и о медали, к которой он стремился, не могло быть и речи.

Отличительной чертой Высоцкого уверенность в себе, он всегда поступал так, как считал нужным. Мириться с несправедливостью, обидой причиненной слабым, он не мог с детства. Это подтверждает еще один случай.

Лето. Дача под Киевом, где отдыхают тридцатилетний Володя, Евгения Степановна туда часто приезжает на выходные Семен Владимирович. Появляются другие киевские родственники Высоцких. Деревенская тишина, покой. Занятия домашним хозяйством, в которых не последнее место занимают выгул кур и сбор ягод. Купание в речке и другие прелести дачной жизни. К всеобщей радости приезжает Лидик. С нею маленький сын Виталий. Но вдруг здесь, на даче, он заболел. У него поднялась температура. Рядом снимала дачу семья врачей, и взволнованная Лидия Николаевна обратилась к ним за помощью:

– У меня заболел ребенок, вы не могли бы его посмотреть?!

Но получила жестокий ответ:

– Мы приехали отдыхать и никуда не пойдем!..

В слезах она вернулась домой. На пороге был Володя.

– Что случилось, Лидик? – спросил он с беспокойством. А когда узнал о случившемся, сказал серьезным тоном: – Если они отказались помочь – это не врачи!..

Когда стемнело, вокруг дачи «врачей» раздался сильный шум. Это мальчишки под предводительством Высоцкого гремели, стучали и кричали по-тарзаньи. Утром выяснилось, что ребята отвязали лодку соседей Высоцких и пустили вниз по течению.

– Боже мой! Ведь нас всех арестуют! Боже мой, что ты наделал! – причитала бабушка Владимира. – Нас всех посадят!

Но, видимо, врачи сами поняли всю низость своего поведения – на следующий день они молча уехали.

В 10-м классе Высоцкий переехал жить к матери, Нине Максимовне. В новом доме на той же Первой Мещанской весной 1955 году они получили комнату в трехкомнатной квартире, где рядом с ними поселились их соседи по коммунальной квартире, Гися Моисеевна и ее сын Мишка Шифман. У Володи расширился круг знакомых, но он не забыл своих друзей на Большом Каретном, где уже в школьные годы стала формироваться компания, о которой он позже скажет: «... все были интересные люди достаточно высокого уровня, кто бы чем ни занимался...». Со многими из них Владимир Высоцкий сохранит прекрасные отношения на всю жизнь, но об этом мы расскажем в следующей главе, которая так и называется «На Большом Каретном».

Глава 2. На Большом Каретном

«...В этой компании мы прожили

вместе нашу... молодость, и, в общем, я писал для них».

Из выступления Высоцкого в Долгопрудном 21 февраля 1980 г.

Замечательная компания на Большом Каретном, о которой позже не раз будет вспоминать на своих лекциях-концертах Владимир Высоцкий, образовалась в конце 50-х – начале 60-х годов. Появилась она, конечно, спонтанно, но, впрочем, вполне закономерно, на основе сближения двух разновозрастных групп. Одна из них состояла из одноклассников Высоцкого. Его школьный товарищ Володя Акимов, рано потерявший родителей, в старших классах практически жил один, поэтому у него, на Каретном, в большой, около 40 квадратных метров, комнате, перегороженной шкафом и попонами, собиралась веселая мужская компания, в которую непременно входил и Высоцкий: Игорь Кохановский, Яша Безродный и Аркадий Свицерский. Вторая группа – это Левон Суменович Кочарян, его друзья и знакомые, жившие у него, а позже и у его жены Инны Александровны Кочарян (Крижевской), в трехкомнатной квартире на Большом Каретном, в том же подъезде, где жили отец Высоцкого и Евгения Степановна.

Кочарян был старше Владимира на 6 лет. Их познакомил Анатолий Утевский. Последний учился с Левой в МГУ на одном факультете, юридическом, дружил с ним и даже представил Кочаряна будущей жене

И вот еще учась в школе, Высоцкий вдруг попадает в компанию взрослых людей, имеющих к тому моменту на Большом Каретном определенный авторитет. И вскоре он становится ее полноправным членом. Друзья вспоминают, что Владимир в это время был легкий, веселый, очень общительный парень, умеющий организовать любой праздник, как он сам себя называл – врун, болтун и хохотун. Потом некоторые их школьных приятелей Высоцкого: Кохановский, Акимов, Безродный также попадают в компанию Левы Кочаряна, и образуется интересное сообщество разносторонне одаренных людей.

Левон Суменович Кочарян оказал огромное влияние на молодого Владимира Высоцкого, и потому следует рассказать о нем подробнее. По словам Анатолия Борисовича Утевского: «Левушка был удивительным человеком: прекрасно знал литературу и кино, пел, играл на гитаре, был спортсменом – великолепно водил танки, а Толя Гарагуля, капитан теплохода «Грузия», рассказывал, что однажды Лева сам пришвартовал теплоход. Он любил удивлять людей – мог выпить бокал шампанского и закусить фужером. Спокойно жевал бритвы, мог проколоть щеку иглой. Это производило впечатление, особенно на молодых девушек. Кочарян был очень разносторонним человеком – не было профессии или ремесла, которыми он не смог бы овладеть. В доме буквально все он сделал сам, мог сшить себе рубашку... Потом вдруг стал увлекаться абажурами, у всех у нас были Левушкины абажуры. На каком-то своем фильме сам сконструировал и построил не то бричку, не то тачанку. В общем. Лева был человеком уникальным. Эта уникальность проявлялась, прежде всего, в его умении дружить, выслушивать и понять близких друзей, коллег по работе, просто знакомых. Именно поэтому многие тянулись к нему...

Кочаряна как второго режиссера ценили многие наши известные мастера. На «Мосфильме» даже говорили, что Кочарян – первый среди вторых режиссеров. Общение с Кочаряном всем нам давало много, а Володе, как мне кажется, особенно. Во многих вещах он просто подражал Кочаряну. Леву любили многие люди и, как вы понимаете, было за что...»

В 10-м классе Владимир Высоцкий стал заниматься в драмкружке при Доме учителя на улице Горького. Руководил кружком артист МХАТа Владимир Николаевич Богомолов. Однажды Нина Максимовна Высоцкая пришла туда на репетицию и увидела, как сын изображает крестьянина, который пришел на вокзал и требует у кассирши билет, ему отвечают,

что билетов нет, а он добивается своего. «Я впервые видела его (Владимира) на сцене и до сих пор помню свое удивление, настолько неожиданные были для меня все его актерские приемы. После репетиции я подошла к Богомолу и спросила (хотя уже знала ответ): «Может ли Володя посвятить свою жизнь сцене?» – «Не только может, но должен. У вашего сына талант», – ответил актер.

Володя до глубокой ночи пропадал в кружке, но это не помешало ему хорошо закончить школу. Аттестат о среднем образовании Владимира Высоцкого, полученный им 24 июня 1955 года, сообщает, что «при отличном поведении» он «обнаружил следующие знания по предметам»:

Русский язык 4 (четыре)
Литература 5(пять)
Алгебра 4 (четыре)
Геометрия 4 (четыре)
Естествознание 5(пять)
История СССР 4 (четыре)
Всеобщая история 5(пять)
Конституция СССР 5 (пять)
География 5(пять)
Физика 4 (четыре)
Химия 4 (четыре)
Иностранный
(французский) язык 4 (четыре)

К окончанию школы Владимир решительно заявил родителям: хочу в театральный, но вся семья была против. Отец, мать, дедушка Владимир Семенович, другие родственники уговаривали его оставить мечту о театральной карьере и, чтобы всегда иметь кусок хлеба, стать «нормальным советским инженером». Под таким давлением Высоцкий решил поступить в технический вуз на механический факультет со своим одноклассником и другом Игорем Кохановским. Выбор института сделали случайно – по самому красивому пригласительному билету на день открытых дверей. Это был МИСИ имени Куйбышева. Попасть туда считалось большим счастьем, так в 1955 году конкурс на механический факультет составил 17 человек на место. В то время при поступлении немалую помощь оказывали спортивные успехи абитуриентов. Игорь Кохановский вспоминает о том, как они с Высоцким пришли в приемную комиссию: «...там у всех спрашивали: «У вас есть разряд?» Я говорю: «Есть. Первый по хоккею!» Мне говорят: «Все, идем, мы тебя устроим». А я им: «Минуточку, я с другом!» А они: «Мы вам поможем!» Они нам действительно помогли – накануне назвали тему сочинения. У нас, конечно, было по несколько вариантов этих тем, и мы все это переписали, получили хорошие отметки...»

На сочинении друзья получили по четверке, не забыв для достоверности сделать по ошибке. С остальными предметами было посложней. Но Владимир, получив «4» по математике, «5» по физике, «5» по французскому, стал так же, как Игорь, студентом. Приказ директора МИСИ им. В. Куйбышева за № 403 от 23 августа 1955 г. гласит: «Зачислить в число студентов 1-го курса механического факультета т. Высоцкого В.С. без предоставления общежития».

Первое время друзья радовались своему поступлению и достаточно много прогуливали. Высоцкий ходил на занятия, как на каторгу, – ему было невыносимо скучно сидеть там, слушать лекции по высшей математике, физике, начертательной геометрии, а самым ужасным для него предметом оказалось черчение. Только общение с сокурсниками, на которых он с удовольствием писал эпиграммы и пародии, нравилось Высоцкому. Когда-то он и Кохановский в одном из московских дворов подхватили реплику «Зовите меня просто Вася» и с того времени

иначе как Вася, Васечек, Васек они к друг другу не обращались. От диалогов этих двух «Вась» студенты и студентки умирали со смеха.

Осенью первокурсников отправили «на картошку». Третья группа механиков собирала урожай на колхозных полях Волоколамского района. Работы было много. С непривычки городские ребята сильно уставали, но Высоцкий и вечером не сидел на месте – хохмил, распевал частушки и городские припевки, не позволяя друзьям пасть духом. Он и там находил себе те занятия, которые затемгодились ему в работе артиста кино. Игорь Кохановский вспоминал, как Высоцкий упорно учился делать заднее сальто и ездить на лошади: «...в деревне, стоявшей на берегу реки, он пытался «крутить заднее», но всякий раз смешно и больно шлепался в воду спиной. Однажды даже не на шутку обиделся на меня, когда вынырнув после очередного болезненного – в прямом смысле этого слова – прыжка, услышал мой дикий смех. А не смеяться было, действительно, невозможно – так неуклюже и по-клоунски он бултыхнулся с берега в реку. Но после каждого неудачного прыжка он снова повторял попытку за попыткой, хотя, честно говоря, прыжки лучше не становились... Мы как-то увидели стреноженных и без седла коней, пасущихся на лугу. Никого из деревенского «начальства» поблизости не было. Володя растреножил одну из лошадей, на которой была уздечка, мы помогли ему взобраться на лошадь и он поехал. К счастью, кобыла оказалась смиренной и послушной и как бы нехотя, но все же побежала медленной рысцей. Володе этого показалось, видимо, мало, он ударил ее голыми пятками по бокам, дернул уздечку, лошадь резко рванулась, и... он кубарем слетел на землю... Но, слава богу, все обошлось, хотя горбом он приложился очень прилично. Еле разогнувшись, сказал: «Надо обязательно еще раз попробовать. Она уже меня начинает слушаться... Вон, видишь, она не уходит, ждет меня...».

Наступила первая сессия. К новому. 1956 году Игорь и Владимир сдали все зачеты, кроме черчения. До экзамена осталась пара дней, а работа не готова! Они сидели в большой комнате у Нины Максимовны, разделив стол книжками, пили кофе, чтобы не уснуть, и делали чертежи. Кохановский закончил работу первым и, глянув тогда на «художества» Высоцкого, нервно расхохотался: на месте четкого алфавитного шрифта расплылась клякса. Грустный, грустный Владимир стоял рядом, смотрел на чертеж, понимая, что тот, конечно, у него не примут. Затем вылил остатки кофе из чашки на чертеж и сказал:

- Васечек! Я в этот институт больше не хожу!
- Да что ты?! С таким трудом поступали!
- Нет, нет! Это – не мое! Я думаю пойти в театральный.

Услышав возглас сына, Нина Максимовна с тревогой зашла к ним в комнату и увидела, как Володя выплескивает на чертеж тушь из банки.

- Инженерной деятельности с меня довольно, не могу больше!.. – проговорил он, смеясь.

Вскоре Владимир подал заявление с просьбой об отчислении и не изменил своего решения, несмотря на уговоры, просьбы, требования родных и знакомых.

– Высоцкий, не делайте опрометчивого шага, у вас явные способности к математике, – говорил декан в присутствии матери.

– Вполне возможно, – упрямо сказал Владимир, – но инженером я быть не хочу и не буду!.. Так зачем занимать место, которое другому нужней?..

Этот решительный поступок, уход из престижного института, стал первым шагом Владимира Высоцкого на пути к профессии актера. С января по июнь 1956 года он продолжал заниматься в драмкружке у Богомолова, который помогал ему готовиться к вступительным экзаменам, а летом поступил в школу-студию МХАТ.

Позже Высоцкий не без юмора рассказывал об этом трудном, решающем в его судьбе времени: «...» поступил в Московский строительный институт имени Куйбышева на механический факультет. Но потом почувствовал, что мне это... словом – невмоготу... А в это время я уже несколько лет занимался в самодеятельности, но это была не такая самодеятельность,

к которой мы уже привыкли – она сразу оскомину вызывает, и по ней уже прошлись у нас в фильмах и в прессе. (Ливанов однажды спросил нашего министра культуры: «А вы пошли бы к самодеятельному гинекологу?») Просто люди кроме работы занимались еще другим делом, любимым более чем работа. Это было хобби, которое тогда не оплачивалось.

Руководителем был Богомолов, артист Художественного театра. Он на нас «пробовал» многие спектакли и работал с нами режиссерски, как с профессионалами. И я начал у него набирать – очень сильно, по его словам. Конечно, это меня увлекало больше, чем мое студенчество, и я просто ушел из института и стал поступать в студию МХАТ. Поступил туда с большим трудом, считалось, что мой голос не приспособлен для сцены. Меня даже пытались отчислить из студии за профнепригодность из-за голоса, но руководитель курса Павел Владимирович Массальский не позволил...»

Но вернемся к компании на Большом Каретном. Надо сказать, что именно Анатолий Утевский и Левон Кочарян помогли Высоцкому решиться бросить строительный институт. Инна Александровна Кочарян вспоминает, что Владимир как-то сказал ей:

– Если бы не Лева и Толян, я бы остался в строительном...

Здесь, на Большом Каретном, на квартире Кочаряна встречались Василий Шукшин. Андрей Тарковский. Артур Макаров, Владимир Акимов, Олег Стриженов, Всеволод Абдулов, Евгений Епифанцев и многие другие. В какие-то периоды жизни Высоцкого здесь был его второй дом. Он мог запросто остаться тут ночевать или даже жить некоторое время. Как бы ни менялась жизнь Владимира: учился ли он в студии МХАТ; метался ли из одного театра в другой; стал ли актером кино и театра на Таганке, певцом, непризнанным поэтом, был ли холост, влюблен, женат или нет, – он никогда не забывал о своих друзьях на Большом Каретном. Тут всегда происходили забавные, комичные истории. Очень интересно рассказывает об этом времени писатель Артур Сергеевич Макаров. Вот отрывки из его воспоминаний:

–... Правила общежития у нас сложились вполне определенные: мы были близкие друзья, а это значит, что жили мы, по сути дела, коммуной. Восстанавливая то время в памяти, я обнаружил, что если применить более позднее определение, все мы являлись тунеядцами... Для окружающих мы были тунеядцами потому, что почти никто из нас не работал, то есть мы все работали и работали много, но как? Без выдачи зримой, весомой, а главное – одобренной продукции. Все очень много работали, но каждый – в том направлении, в котором хотел. Никто нигде и ничего практически не получал. Володя вместе с одним товарищем написал «Гимн тунеядцев» на мелодию, заимствованную из известнейшей песни. Гимн этот регулярно исполнялся с большим подъемом. И даже в нем проскальзывало то, что держало эту компанию. Один куплет был такой:

*И артисты, и юристы
Тесно держим в жизни круг,
Есть средь нас жиды и коммунисты,
Только нет средь нас подлюг!*
А припев был:
*Идем сдавать посуду,
Ее берут не всюду.
Работа нас не ждет,
Ребята, вперед!..»*

Компания на Большом Каретном жила шумно и весело. Иногда заканчивались деньги, и тогда самым спасительным средством было сдать бутылки. Известный анекдот того времени, где один алкаш пил, пил, а потом бутылки сдал и машину купил – был не таким уж фантастичным, так как пустая тара в советские времена действительно что-то стоила и ее очень часто многие берегли «на черный день».

Однажды ранним утром Анатолий Утевский и Володя решили сдать бутылки. Посуду они положили в рюкзаки, которые надели на плечи, и отправились в «скорбный» путь.

Впереди них, романтично взявшись за руки, шла пара. На плечах – тоже рюкзаки.

– Вы в поход?... – спрашивает Володя. – А куда?..

– Мы едем в Отрадное!.. А вы далеко?

– Нет, нам намного ближе! – произнес Высоцкий, сворачивая с другом в подворотню к приемному пункту.

Иногда в квартире Кочаряна находилось столько людей, что и прислониться было негде, не то что уснуть. Когда-то именно в такой момент пришел Владимир. Левон Кочарян, недолго думая, положил его в ванной. Стелить было нечего – потому налил теплой воды, а под подбородок поставил дощечку, чтобы во сне не захлебнулся. Всю ночь Кочарян бегал, подливал Высоцкому горячую воду, чтобы тот не простудился. Утром Володя проснулся веселый: и спать можно, и чистый!..

Как вспоминает Артур Сергеевич Макаров, в их компании было принято выпивать, но пили они не для того, чтобы опьянеть, а была нормальная форма общения, подкрепляемая дозами разного рода напитков.

«К определенным датам – особенно к дням рождения кого-то из нас – мы всегда готовили какой-то капустник. Это разыгрывалось нами самими, да еще записывалось попутно на магнитофон, когда он у нас появился. А появился он так. Возник период, когда материальные дела наши стали настолько плохи, что пришлось посягнуть на святая святых – наше жилище. Рыдая, мы разрешили Кочаряну сдать на время (на полгода) его квартиру. Это означало, что всем нам придется на это время фактически остаться без крова. И поселились у Володи Акимова... Он жил в коммунальной квартире, в огромной 40-метровой комнате, окна которой выходили во двор. Комната была заставлена старинной мебелью, на стене висела каска с надписью «Если завтра война?», бурка отца и его шашка. Так мы жили довольно долго, пока кризис не стал всеобъемлющим. И тогда мы уговорили Володю обменять эту 40-метровую комнату на меньшую... в счет доплаты нам дали старый магнитофон, кажется «Спалис», едва работающий. Вот так у нас появился магнитофон...».

В этой компании многие любили петь, играли на гитаре. Исполняли народные песни, романсы, военные песни, так называемые блатные. Главными певцами были Олег Стриженов, Игорь Кохановский, Евгений Урбанский, и только со временем Владимир Высоцкий стал составлять им конкуренцию и затмил своими песнями. В 30-кассетном сборнике песен в исполнении Владимира Высоцкого, выпущенном в 1996 году MOROZ RECORDS, есть достаточно большое количество композиций, взятых из народного фольклора, творчества других: авторов, записаны они именно в начале 60-х годов. Здесь и «Тихорецкая» М. Таривердиева и М. Львовского, и «Товарищ Сталин» Ю. Алешковского, еврейские, одесские припевки и известная «Таганка». Пел также в то время Владимир Высоцкий и песню своего школьного друга Игоря Кохановского «Бабье лето» (1961). В ней передается то романтическое настроение, которое нередко бывало в компании на Большом Каретном:

*Клены выкрасили город
Колдовским каким-то цветом –
Значит скоро, значит скоро
Бабье лето, бабье лето.
Значит скоро, значит скоро
Бабье лето, бабье лето.
Что так быстро тают листья?
Ничего мне не понятно.
А я ловлю, как эти листья,
Наши даты, наши даты.*

*А я ловлю, как эти листья,
Наши даты, наши даты.
Только вот ругает мама,
Что меня ночами нету,
Что я слишком часто пьяный
Бабым летом, бабым летом...*

Эту песню Владимир Высоцкий исполнял всегда, как он говорил, «в первом варианте»: «... Не то, что поет Шульженко по радио – потому что... та мелодия хуже (хотя это и делал профессиональный композитор), а для этой песни нужна... все-таки такая мелодия, какую пели мы и которую, наверно, поют все... в компании».

Первые песни Владимира Высоцкого, как правило, имели конкретный адрес, были вызваны каким-то случаем, поводом. Например, фраза: «Что же ты, зараза... недавно головой быка убил...» о Левоне Кочаряне. По воспоминаниям А.Б. Утевского: «Лева был очень справедливым человеком. Если в его присутствии кого-то обижали, он немедленно бросался на защиту. Лева хорошо дрался головой, он, действительно, как бык шел напролом... Никогда не забуду случай... Мы шли втроем по улице Горького, к нам пристали несколько пьяных парней. Мы их побили, вернее не мы, а один Лева. Но в милицию забрали всех, и забрали, как мы считали, совершенно несправедливо... Но был составлен протокол. Кода Лева дали его подписать, он взял этот протокол и съел! Составили второй протокол, а Лева его в руки не дают. Но он все-таки сумел его вырвать и проглотить. Милиционерам это надоело: «Идите отсюда к чертовой матери! Едоки бумаги!...»

Или фраза: «Бить человека по лицу я с детства не могу...» была обязана своим появлением следующему случаю. Владимир Высоцкий, Артур Макаров и Михаил Туманишвили ехали в троллейбусе. На Старой Арбатской площади в салон зашла большая компания, и кто-то из них имел неосторожность грубо приставать к девушке. Миша заступился, и кончилось это коротким спором и дракой. На Арбатской площади потасовка продолжилась. Силы были неравны, и потому Высоцкому, Макарову и Туманишвили с трудом удавалось избежать свистящих кулаков. Миша стоял за спиной у Артура и тот, не ожидая удара сзади, разбирался с передними, но вдруг получил сильный удар из-за спины...

Когда драка закончилась, он спросил Туманишвили, который должен был прикрывать тылы:

– Как же так – ты был сзади и мне оттуда навесили? Как это называется?

Миша ответил:

– Артур! Люди разные. Ты без размышления можешь ударить любого, я а с детства не могу бить человека по лицу!

Высоцкий громко засмеялся:

– Миша, родной! О таких вещах заранее предупреждать надо!..

Песня «Большой Каретный» (1962), была адресована и подарена Анатолию Утевскому. Он уже тогда работал в МУРе, имел «черный пистолет» и в 1961 году переехал с Большого Каретного в новую квартиру, поэтому именно ему адресованы строки: «Нет, нет, да по Каретному пройдешь...». Припев этой песни долгие годы задорно звенел на московских улицах:

Где твои семнадцать лет?

На Большом Каретном.

А где твои семнадцать бед?

На Большом Каретном... – его знает и современная молодежь.

Еще одна песня – «Мой друг уехал в Магадан» была создана по поводу отъезда Игоря Кохановского летом 1965 года в Магадан. Он решил все бросить и уехать работать в газете «Магаданский комсомолец». Накануне отъезда состоялись скромные проводы, и тогда Владимир Высоцкий принес эту стилизованную под блатную песню:

*Мой друг уехал в Магадан –
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам –
Не по этапу, не по этапу.
Не то чтоб другу не везло,
Не что кому-нибудь назло,
Не для молвы, что, мол, чудак! –
А просто так! А просто так!..*

Владимир Семенович Высоцкий не раз вспоминал на своих выступлениях о компании на Большом Каретном. По его словам, это было самое запомнившееся время его жизни: «Позже все разбредись, растерялись... Но все равно я убежден, что каждый из нас это время отметил... Можно было сказать только полфразы, и мы друг друга понимали в одну секунду, где бы ни были; понимали по жесту, по движению глаз – вот такая была притирка друг к другу. И была атмосфера такой принадлежности и раскованности – друг другу мы были преданны по-настоящему... Сейчас уже нету таких компаний: или из-за того что все засуетились, или больше дел стало, может быть...».

Глава 3. «С чего началась моя актерская карьера?»

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают.
Нахлынут горлом и убьют!
От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.
Борис Пастернак*

После поступления в школу-студию при МХАТе начался долгий путь Владимира Высоцкого к актерскому мастерству.

В его личном деле можно прочесть: «Слух – хороший, ритм – хороший, певческого голоса – нет». По воспоминаниям тех, кто учился с Владимиром Семеновичем в студии, его голос преподаватели считали глухим, сирым, не имеющим каких-либо вокальных перспектив, да и на своем курсе Высоцкий не выделялся как актер, а отличался тем, что был очень остроумным человеком, создателем большинства капустников и прекрасным пародистом. Он великолепно пародировал многих певцов (от Армстронга до Утесова), разного рода знаменитостей и педагогов (Массальского, Кедрова, Комиссарова, Тарханова) или просто героев американских ковбойских фильмов. Нина Максимовна Высоцкая вспоминала, что у сына с детства проявлялась способность улавливать и копировать звуковой строй того или иного языка. Владимир запомнился однокурсникам и друзьям по студии МХАТа, как великолепный рассказчик. Многие вспоминают его истории о встречах с будто бы существующим соседом Сережей, который в изображении Высоцкого получался «Синёза гнусаво-гнусаво», немного дефективный, но занятный. На протяжении всей учебы подобные истории-розыгрыши заставляли безудержно хохотать студентов студии МХАТа. Эти придуманные Владимиром рассказы от имени Сережи передавались из уст в уста и ходили долго по коридорам студии. Звучало это приблизительно так:

–...Я наньсе не мог быть антистом, потому сто у меня диктия пнохая. А сицас я вот уже сетыне года обсаюся с антистами, и смотните какая у меня стала замечательная диктия. Я дазе участвовал в конкунсе на главного диктона Тентнального телевидения, но меня пока туда не бенут, потому сто у них там усе евнеи... Ниставо смиснова в этом нету, вот!... А посему я люблю антистов? Потому сто все антисты, соб вы знали, это великие люди, потому сто все они тозе Сенёзи. Напнимен: Сенёзка – Володько Тносин, Сенёзка – Манк Беннес, Сенёзка – Васесик Высоцкий, котоные пенеживательно поют пенед микнофоном, ас тнысутся от напнижения, сто их за гнаницу не посынают! А недавно пниеззает из ихней итальянский нанодно-демокнатиской неспублики певец Дель-Монака, выходит на сцену Боньского театна с нанодной антисткой Советского Союза и поет. Мона быть, он и ханосый певец, мона быть! Но ведь ни одногно снова по-нусски!...»

Или вот так звучала история «Сенёзы-космонавта»:

– Сяво ты смеесея? Вот ты смеесея, да? А я – космонавт! Номен у меня, соб ты знала – 1400..., ну, а даньсе секнет. И ты так сообнази немнозечко своей усеной баской: куда меня поснют, нас у меня такой номен?... Куда я полусю с таким номеном?... и по какой-то теонии относитености?... Вот ты смеесея. а я там тни дня понетаю. да, понетаю тни дня, а потом веннюся и на твоей внуське зынюся!... Вот... тада ты там посмеесея!»

Прототипом этого комичного персонажа был некий живущий на Большом Каретном голубятник – Ленка Гунявый. С ним всегда происходили странные истории, которые он всем рассказывал, и его речь Высоцкий здорово копировал. Например, Ленка повествовал так: «Утром выхожу и начиная взганивать... Взганиваю, взганиваю своих, смотрю цузой...» – и все заканчивалось тем, чужой голубь уводил Ленкину стаю. Но декламации Сенёзы-гнусового в импровизации молодого Высоцкого были мини-спектаклями, где он уже выступал и автором, и исполнителем. Возможно, от этих пародий и пошли позже в песнях Владимира Высоцкого многочисленные персонажи «из народа». Можно вспомнить самые популярные, Вани и Зины в цирке («Диалог у телевизора»), фразы которых давно растасканы народом на цитаты.

На курсе к Владимиру всегда обращались, если надо было написать, как он говорил, «художественные слова на бумаге». На одном из своих поздних концертов-встреч Высоцкий вспоминал: «...В театральном училище я писал громадные «капустники», на полтора-два часа. Например, на втором курсе у меня был «капустник» из одиннадцати пародий на все виды искусства: там была и оперетта, и опера «вампука», в плохом смысле слова, естественно. Мы делали свои тексты на студийные темы, и на темы дня, то есть, я всегда писал комедийные вещи, и всегда с серьезной подоплекой...». Одной из «студийных тем» стала стенгазета, созданная Владимиром Высоцким на четвертом курсе по случаю вручения школе МХАТа подарков из Японии. Само это мероприятие – фарс, которые были нередки в советский период нашей истории, потому в сочиненных Высоцким стихах-подражаниях чувствуется не только прекрасное знание поэзии, но и ирония:

Подарки из Японии

В Школу-студию присланы подарки от студентов театральных вузов Японии. Это приятно, трогательно и говорит о том, что о нашем существовании знают не только в Министерстве культуры. Подарков много, но на всех не хватит. Поэтому они останутся на хранении в студии.

В первой аудитории организована выставка этих подарков.

Поэты прошлого и современности так откликнулись бы на это событие:

Пришли подарки нашей школе,

Почаще б нам их получать.

Банзай! Ура!! Чего же боле?!

Что я могу еще сказать?!

А.С. Пушкин

Нам посылку прислали из далекой Японии,

Из чужой иностранности получали ее.

Я пишу из приятности в этой маленькой «молнии» –

Не вините в нарочности – это слово мое.

К. Бальмонт

Нам, а не студентам филармонии,

Прислали посылку друзья из Японии.

И нам бы послать им из студии МХАТа,

Но наша стипендия маловата!!!

В. В. Маяковский

Подарки нам шлют не из русской Смоленщины,

А тысячи миль у них позади.

Храните подарки, как письма от женщины,

Прижав, как детей, к восхищенной груди!

К.Симонов

Летом 1958 и 1959 гг. студенты студии МХАТ направлялись в учебно-тренировочном порядке с эстрадными концертами в колхозы и на комсомольские стройки. Там особенно про-

явился талант Владимира Высоцкого как рассказчика и пародиста. Одна из участниц событий тех лет А.В. Лихитченко⁴ так вспоминает об этом: «Володя умел захватывать аудиторию. Что-то в нем тогда уже было такое. Я поняла это после третьего курса, когда мы выступали летом в Подмоскowie. У нас на курсе создали такую концертную бригаду. Это считалось чем-то вроде летней практики. И вот, к примеру, выходила я на сцену, произносила хорошим, красивым голосом первые фразы и зал смолкал. Но постепенно внимание зрителей ослабевало, и заканчивала я уже, не сказать чтобы под огромное внимание аудитории. Затем выходил Володя, который читал Щукаря, – в то время это был его коронный номер. Он говорил первую фразу – зал шумел, еще не отойдя от предыдущего номера, – затем вторую, третью. Зрители постепенно затихали, втягивались в его чтение. Потом он полностью овладевал залом, который буквально внимал каждому его слову. И заканчивал Володя уже при громовом хохоте и аплодисментах».

Во время концертной программы студентов студии МХАТ в июне 1958 г. Владимир Высоцкий запомнился своим однокурсникам и друзьям студенческих лет, как человек умеющий легко и быстро реагировать на сущность явлений. По воспоминаниям Романа Мечиславовича Вильдмана: «Программа была составлена в двух аспектах, так сказать академическая и развлекательная. В первом отделении – отрывки из спектаклей, художественное чтение, композиции по пьесам. Во втором, естественно, что-нибудь веселенькое: песни, танцы, интермедии. Вот для второй части Володей были написаны куплеты на мелодию известной песни «У Черного моря» (часто передававшейся в то время в исполнении Утесова). Помимо заранее написанных, стандартных, так сказать, «всепогодных» куплетов типа:

*Отец за сына приготовил урок,
Ему оказав тем услугу,
Когда же к доске вызывал педагог,
То парню приходится туго:
На карте он ищет Калугу –
У Черного моря...*

– было оставлено место для таких, которые бы носили чисто «здешний» характер. Это означало, что перед каждым концертом кто-нибудь из нас «шел в народ» и из разговоров, бесед узнавал местные беды, жалобы, претензии. Все это передавалось Володе, и он тут же, бывало за 5–10 минут до начала концерта, строчил куплеты, что называется «на злобу дня». Например, мы узнали, что в одном степном колхозе заведующий магазином обещал доставить односельчанам живых судаков (это на целине-то!). В концерте моментально прозвучал следующий куплет:

*Толпится народ у отдела «рыбсбыт»
Живых судаков ожидая,
Завмаг, качаясь, в прилавке стоит.
Торжественно всем заявляя
(шла музыкальная пауза):
«Товарищи, проходите, не толпитесь!
Есть в любом количестве! –
А где?
(и под заключительную музыкальную фразу)
– У Черного моря...»*

Конечно, с позиции высокого искусства все это, может, и не соответствовало мировым стандартам, но принималось всегда восторженно... И вот это умение жить мыслями своих

⁴ Из интервью, взятого Б. Акимовым у А.В. Лихитченко – диктора Центрального телевидения // Студенческий меридиан. 1987. 25 августа.

современников, понять их думы, заботы, стремления в сочетании с безусловным поэтическим даром уже тогда послужило основой будущего Высоцкого».⁵

Кроме «капустников», где Владимир в основном выступал в амплуа комического актера, на старших курсах он стал вдруг играть серьезные, драматические роли, что было неожиданно для всех знавших его как веселого, остроумного человека, не терявшегося ни в какой ситуации. Однажды на лекции по эстетическому воспитанию произошла такая история: в дискуссии на вопрос, каким человеком должен быть актер, Высоцкий подал реплику:

– Актер, но человек! – и под укоризненным взглядом преподавателя Вениамина Захаровича Радомысленского, «смутился» и добавил: – Я только хотел сказать, что и актер – человек.

Сдерживая улыбку, педагог произнес:

– У тебя в дипломе будет написано – актер драматического театра и кино, а ты – безнадежный сатирик...

Два курса Владимир Высоцкий был «комик» и вдруг на экзамене за третий курс поразил преподавателей ролью Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» Федора Михайловича Достоевского. Готовил Высоцкого к экзамену по актерскому мастерству, а затем ставил спектакль в 1959 г. на сцене Московского Дома учителя тогда молодой преподаватель студии МХАТа, а позже заслуженный артист РСФСР, режиссер и артист, один из основателей театра «Современник» Виктор Николаевич Сергачев. Именно он помог раскрыться Владимиру Высоцкому как актеру с большим драматическим накалом.

В период появления замысла постановки В.Н.Сергачев был очень увлечен творчеством Достоевского. И буквально погрузившись в его мир, мечтал перевести его прозу на язык театра. Тогда-то он и предложил на третьем курсе Высоцкому и Роману Вильдману поставить отрывок из «Преступления и наказания». Для этого был взят без сокращений текст из романа – последний приход Порфирия Петровича к Раскольникову. По словам В.Н. Сергачева, при постановке они попытались полностью буквально выполнить ремарки Достоевского. Например, когда на вопрос Раскольникова: «Так кто же убил?», Порфирий Петрович отвечает «Как кто? Вы и убили, Родион Романович», и у Достоевского написано, что Раскольников схватил себя за голову, теребил волосы и воцарилось молчание и молчание длилось долго, может быть, минуты две. Актеры точно так же две минуты и молчали.

Роль Порфирия Петровича была для Владимира Высоцкого настоящей удачей. Впервые за годы обучения в студии МХАТа он получил «отлично» по актерскому мастерству. Многие преподаватели были потрясены этой постановкой. На сцене сделали декорации, точно следуя Достоевскому: тесную каморку, а сверху положили ширму, создавая иллюзию низкого потолка, который «душу и ум теснит», что придавало еще большую достоверность происходящему. Профессор русской и западной литературы А.И. Белкин, считавшийся большим специалистом по Достоевскому, в слезах выбежал за кулисы и говорил, что впервые увидел настоящего Достоевского. После экзамена Павел Владимирович Массальский, не раз прежде упрекавший Владимира Высоцкого в эстрадности, сказал ему:

– Теперь я понял, что вы – актер! – Это была самая дорогая похвала великого учителя талантливому ученику.

В 1959 г. Владимир Высоцкий еще какое-то время играл роль Порфирия Петровича на сцене Дома учителя, куда его пригласил В. Сергачёв, работавший там режиссером. Работа шла параллельно со студийной и была недолгой, но очень важной для Владимира, который впервые играл как актер, а не как студент на занятиях или концертных программах во время летней практики.

По воспоминаниям известного театроведа Андрея Александровича Якубовского, игравшего тогда вместе с Высоцким в том же спектакле, ничего легковесно-студенческого в Высоц-

⁵ Вильдман Р. Лучшая легенда – он сам //Менестрель (стенгазета) 1981. 8 апреля.

ком в ту пору не было. Он вел себя чрезвычайно самостоятельно и по-деловому, то есть относился к работе как к конкретному делу, не испытывая никаких излишних «сантиментов» и был всецело сориентирован на выполнение определенной задачи. Столь же определен и конкретен Высоцкий был и в работе над гримом, которого, кстати сказать, в этом спектакле у него почти не было. На сцене он умел в себе самом вытащить именно то психологическое качество, тот «нерв», какие были необходимы для точной передачи переживаний героя. Порфирий Петрович в исполнении Высоцкого был человеком глубоко заинтересованным в своем деле, захваченным процессом выявления истины. Очень интересно, Высоцкий произносил реплики в сторону. Являясь непосредственным участником происходящего, Порфирий Петрович в инсценировке Сергачева все время оценивал события по ходу действия. Когда Николка бросался к нему в ноги, признаваясь в том, что убил он, и сразу говорил: «Топором», – Порфирий Петрович произносил реплику: «Эх, торопится, – на себя наговаривает!». Высоцкий произносил эти слова, исходя из собственного темперамента, собственной увлеченности процессом игры... Попытка встать в какой-то момент на позицию стороннего наблюдателя в оценке событий, участником которых он являлся, делала образ очень сложным и при этом – ограниченным.

На выпускном экзамене Владимир Высоцкий играл роль Бубнова в пьесе Горького «На дне». В постановке также участвовали В. Большаков – Лука, В. Никулин – Актер и другие. Пьеса шла во многих театрах страны и в Москве, в частности в Художественном театре. Когда открылся занавес, большинство зрителей не ждали чего-то нового и потрясающего, но Бубнов Высоцкого в последней сцене заражал зрителя искренностью переживаний: «Кабы я был богатый... я бы бесплатный трактир устроил!.. С музыкой и чтобы хор певцов... Бедняк-человек, айда ко мне в бесплатный трактир!» Нине Максимовне Высоцкой, присутствующей на этом спектакле, запомнилось, что какая-то театральная дама сказала о ее сыне пророческую фразу: «За этим мальчиком я буду следить всю жизнь».

Кроме этих первых работ, были также еще два дипломных спектакля: в чеховском «Иванове» Высоцкий играл Боркина и в «Золотом мальчике» К. Одета – Сигги.

Итак, Владимир Высоцкий в 22 года заканчивает актерское отделение школы-студии МХАТ. В его личном деле есть запись:

«Учебный план выполнен полностью, и студент В. Высоцкий допущен к государственным экзаменам 18 мая 1960 г. Приказ №77. Всего сдано: 31 предмет, из них 24 «отлично», 6 «хорошо» и 35 зачетов.

Государственные экзамены:

Мастерство актера – май – отлично.

Диалектический и исторический материализм – 15 июня – отлично.

Постановлением Государственной экзаменационной комиссии от 20 июня 1960 года присвоена квалификация актера драмы и кино.

Председатель ГЭК В. Л. Ершов

Диплом № 284453 выдан 20 июня 1960 г.

Место назначения на работу – Московский драматический театр имени Пушкина, должность – актер».

На протяжении всей своей жизни В.С. Высоцкий с благодарностью вспоминал преподавателей школы-студии МХАТ, особенно Павла Владимировича Массальского, который оставил в его душе «наибольший след».

После окончания студии МХАТ Владимир Высоцкий почти четыре года «шел» к своему Театру на Таганке. Это было очень сложное для него время, пережить которое ему помогли прежде всего многочисленные друзья, а также упрямое желание найти свой актерский путь. Позже на концертах-лекциях он довольно кратко и сухо будет вспоминать об этом: «Закончив студию в числе нескольких лучших учеников, я стал выбирать себе театр. Тут у меня была

масса неудач, но мне не хочется... об этом говорить. Меня приглашали туда-сюда, а я выбрал Московский театр Пушкина – худший вариант, как оказалось, из всего, что мне предлагали. Тогда режиссер Равенских начинал там новый театр (а я все в новые дела суюсь), наобещал мне «сорок бочек арестантов» и ничего не выполнил. Он говорил: «Я всех уберу, Володя» – и так далее, но, в общем, он никого не убрал, предпринял половинчатые меры, хотя ему был дан полный карт-бланш на первые полтора-два года: делай, что хочешь, а потом будем смотреть результаты твоей работы... Я понимаю, что жестоко менять труппу, увольнять людей, но без этого невозможно создать новое дело. Нужно приходиться со своими и еще как можно больше брать своих. Надо работать кланом, а иначе ничего не получится. Я оттуда ушел, начал бродить по разным театрам, работал два месяца в Театре миниатюр – меня оттуда прогнали, поступил в «Современник», мне даже дали там дебют – я играл Глухаря в «Двух цветах», но чего-то там не случилось. Снимался в кино в маленьких ролях, снова вернулся в театр Пушкина, а потом, когда организовался театр на Таганке, я стал в нем работать, порекомендовал меня туда Слава Любшин. Вот и все, творческая биография у меня короткая...».⁶

Но мы остановимся на неудачах Владимира Высоцкого в период с 1960 по 1964 г., потому что в какой-то мере именно они создали того певца, киноартиста, актера, который еще при жизни получил всенародное признание и любовь.

Почему Высоцкий выбрал театр Пушкина? К тому времени, когда он закончил МХАТ, Владимир был женат на актрисе Киевского театра имени Леси Украинки Изе Константиновне Высоцкой (Жуковой). О чем мы подробнее расскажем в другой главе. Около двух лет их совместная жизнь состояла из долгих расставаний, скрашенных письмами, телефонными звонками, и радостными, но короткими встречами. Поэтому неудивительно, что Владимир Высоцкий при своем распределении старался выбрать театр, где могла бы работать и его жена. На это условие не соглашался ни один из предлагавших работу Высоцкому театров, но главный режиссер театра имени Пушкина Б.И. Равенских очень желал заполучить понравившегося ему выпускника студии МХАТ, и потому между ними состоялся такой разговор:

– Борис Иванович, мне надо вместе с женой.

– Я ее возьму.

– Но вы понимаете, что это серьезно. Ее просто так срывать нельзя, она там в ведущем репертуаре.

– Володя, даю слово...

Но слово Равенских не сдержал. Как вспоминает Иза Константиновна, когда она приехала из Киева в Москву, «началась какая-то театральная заварушка, как это часто бывает». Ей сказали, что надо пройти конкурс. А потом «...как-то очень долго Равенских меня мурыжил-мурыжил, и в результате меня почему-то в списке принятых не оказалось... Был такой не очень красивый поступок, и мне с моим максимализмом казалось, что Володя должен был немедленно уйти...».

Это был далеко не последний удар по самолюбию молодого артиста. В спектакле «Свиньи хвостики» Высоцкому поручили одну из главных ролей. Он выучил весь текст, и хотя по возрастным данным не очень подходил на роль пятидесятилетнего председателя колхоза, верил, что будет ее играть, но был приглашен другой актер. В. Раутбарт, который и стал исполнять в спектакле предназначавшуюся Высоцкому роль. Начиная с этой пьесы, Владимир стал играть только маленькие, эпизодические роли, порой без слов, участвовать в массовках (постановки: «Доброй ночи, Патриция» Альдо де Бонетти; «Изгнание блудного беса» А.Н. Толстого; «Белый логос» – по мотивам неиндийского эпоса Шудраки; «Аленький цветочек» С. Аксакова и др.) У Владимира Высоцкого начались срывы – он часто появлялся нетрезвым на работе, исчезал на дни, недели. Его не раз увольняли. Но в театре имени Пушкина у него была заступница –

⁶ Высоцкий. В. Выступление в клубе «Романтик Физико-технического института, 1980.

Фаина Григорьевна Раневская. Она рассказывала знакомым, как однажды стояла перед доской приказов и читала о бесконечных выговорах одному и тому же лицу за разные провинности.

– Боже, кто же такой смельчак? – воскликнула она.

– Это я, – ответил стоящий рядом молодой человек.

То был Высоцкий. Как только появлялся очередной приказ об увольнении, великая актриса брала его за руку и вела к режиссеру.

Последним спектаклем театра имени Пушкина, где участвовал Владимир, на гастролях в Челябинске летом 1962 г., был «Дневник женщины». Начался период, когда Высоцкому негде стало работать. Из театра имени Пушкина он ушел. Съемки фильмов, в которых Владимир играл, в основном из-за заработка, эпизодические роли и в массовках, были закончены. Тогда он только начинал писать первые песни, поэтому ни о каких концертах речь идти не могла. И вот в феврале 1962 г., благодаря рекомендациям Тамары Витченко и Александра Кузнецова Высоцкий поступает в Московский театр миниатюр. Но проработал он там также недолго, около двух месяцев, и был уволен Владимиром Соломоновичем Поляковым, руководителем театра, со следующей «формулировкой в приказе: «...отчислить Владимира Высоцкого... за полное отсутствие чувства юмора»!

После его показа весной 1962 г. Высоцкому дали сыграть в театре «Современник» роль Глухаря в спектакле «Два цвета». На спектакль пришли все его друзья, среди них Левон Кочарян, Инна Кочарян, вторая жена Владимира Семеновича – Людмила Абрамова. Дебют был блистательным: Высоцкий не просто играл – он перевоплощался, если бы его встретили на улице, то ни у кого бы не возникло сомнений в его «боссяцком» происхождении. Но Владимира не взяли в «Современник», потому что он на сцене позволил себе слегка изменить текст пьесы: когда речь зашла о друге его персонажа, он сказал: «Вся эта ростовская шпана – Васька Резаный, Левка Кочарян, Толька Утевский...» И хотя это было сделано довольно успешно, совет «Современника», куда входили Ефремов и Табаков, решил Высоцкого не брать в театр.

Неудачное начало работы в театре позволило или, вернее, заставило Владимира Высоцкого с большим рвением относиться к съемкам в кино. Надо сказать, что несомненную роль в рождении Высоцкого-киноартиста сыграл Левон Суменович Кочарян. Как уже было сказано, он работал на «Мосфильме» вторым режиссером, и впервые на киносъемки Владимир попал с его легкой руки. Позже в концертах-лекциях Высоцкий достаточно много говорил о своих ранних работах в кино, как о начале актерской деятельности. Вот его наиболее известные ранние работы.

Фильм «Сверстницы» (студия «Мосфильм») вышел на экран в 1959 г., режиссер В.Ордынский, роль Высоцкого – студент Петя (эпизод):

«...Моя первая работа в кино – фильм «Сверстницы», где я говорил одну фразу: «Сундук и корыто». Волнение. Повторял на десять интонаций. И в результате сказал ее с кавказским акцентом, высоким голосом и еще заикаясь. Это – первое боевое крещение...»⁷

Фильм «Карьера Димы Горина» (киностудия им. Горького) вышел на экран 8 мая 1961 г., режиссеры-постановщики Ф. Довлатян и Л. Мирский, съемки – осень 1960 г.:

«В кино... сначала мне, честно говоря, не повезло, потому что я играл все больше людей несерьезных..., разбитных таких, нагловатых парней.

В фильме «Карьера Димы Горина» мне (...) предложили сниматься в роли монтажника-высотника Софрона (...). Были приятные минуты в этой картине. Во-первых, это все снималось в Карпатах, когда тянули высоковольтную линию электропередачи. Съемки были на большой высоте, на сорокаметровых опорах. Я в первый раз в жизни туда залез – там ветер, страшно. И я прицепился пистолетом страховочным и говорю: «Теперь меня только с аварий-

⁷ Текст здесь и далее приводится на основе выступлений В. Высоцкого в ЦДК в октябре 1970 г. в Строительно-дорожном институте г. Усть-Каменогорска, а также в ДСК-3 г. Киева 22 сентября 1971 г.

ной машиной можно снять» (...). А монтажники – эти ребята, у которых мы учились хоть каким-то навыкам, – они просто как обезьяны. Просто диву даешься, как они по этим перекладинам-планкам без страховки бегают. Потом они делают такой трюк: опускают канат с сорока метров, чтобы не спускаться долго, просто прыгают по этому канату и в конце, тормозя руками в перчатках, чтобы не сжечь руки, они останавливаются внизу. Ну, вот жутко, просто дух захватывает смотреть. Но я тоже научился в конце, что оказалось не очень трудно...

Еще в этой картине я научился водить машину ЗИЛ-130. Так что кусок хлеба под старость лет есть... Я играл там шофера по совместительству, ... в кабине машины я должен был приставать к актрисе, звали ее Таня Конюхова. Вы ее знаете, известная актриса, она в то время была уже известная. Ну, конечно, приставать я должен был не к самой актрисе, а к персонажу, который она играла, как вы понимаете. Я должен был приставать к ней, обнимать ее и всячески добиваться ее благосклонности. Ну, я был тогда человек скромный, молодой, я говорил, что не могу позволить себе этого: как так она известная актриса, а я буду... – неудобно! Ну, все говорят: «Ты что смеешься? Так написан сценарий». И вообще режиссер кричал (он у нас был армянин), говорил мне: «Ну, смелее, Володя! Ну, что особенного? Ну, давай!» Ну, я, значит, долго отнекивался, наконец согласился, и это было очень приятно, как потом оказалось».

Конечно, рассказывая о своих съемках в первых фильмах на встречах со зрителями, Владимир Высоцкий преувеличивал степень своей скромности и иронизировал, но в этом также была его своеобразная манера творческой подачи довольно обыденного материала. И слушателей буквально завораживал его голос.

«...А когда я ее пытался обнять, это увидел все в маленькое окошко Дима Горин. И когда остановилась машина, он (...), намотав предварительно кепку на кулак, должен был бить меня в челюсть. Теперь начинается самое страшное. В кино – это самый реалистический вид искусства – все должно делаться по-настоящему. Экран большой, лицо громадное – метра три величиной. И поэтому, если вы не донесете кулак до лица – сразу видно. Зритель видит и скажет: «Э, это вранье!» И вообще в кино манера исполнения должна быть очень правдивой, чтобы зритель в это верил. Так вот, все делается по-настоящему и не один раз, а помногу дублей подряд. Эту сцену мы снимали девять раз, потому что шел дождь и все время у оператора был брак. И даже Демьяненко – он играл Горина – подошел ко мне и говорит: «Володя, ну что делать? Ну, надо! Ну, давай я хоть тебя для симметрии по другой половине, что ли буду бить». Вот так началось мое знакомство с кинематографом – с такого несправедливого, в общем, мордобития.

...У нас был такой смешной эпизод: мы должны были по горной речке против течения перебегать на ту сторону. Там приехала жена одного из этих монтажников-высотников, которых мы снимали, – с ребенком... Первый дублю – пробежали, второй – так, тоже как-то, значит... третий – уже труднее: вода холодная, горная река, ноябрь месяц, в полной одежде. Не очень приятно. Я пристроился в кильватер Леша Ванина, он играл в «Чемпионе мира» борца, – чтобы он рассекал волны. Ну, в общем, кто как мог. Мы обессиленные, замерзли безумно. Принесли спирт – растирать! Мы сразу же сказали, что мы еще хотим прыгать в воду после этого. Вот такие приятные минуты были во время съемок...»

Фильм «Увольнение на берег» (студия «Мосфильм») вышел на экран 19 мая 1962 г., режиссер Ф. Миронер. роль Высоцкого – матрос Петр, съемки – июль 1961 г.

«...Я играл моряка. Его не пустили на берег – значит, тоже не очень положительный человек. И он просит друга предупредить любимую девушку на берегу, что он не придет. Мы снимали этот фильм на крейсере «Кутузов», флагмане Черноморского флота. Я жил там целый месяц. Спал в кубрике, учился драить палубу, потому что мы снимали сцены наказания, – мне нужно было драить палубу и еще кое-что погрязнее.

Они меня уже за своего держали, потому что много новичков по первому году службы проходили. И я, значит, вместе с ними так ходил, и никто не узнавал. Однажды мы снимали такой эпизод: пробег по кораблю – а там уже выстроилась вся команда, ждали контр-адмирала.

И я прямо разбежался в робе, грязный, со шваброй в руках – в живот этому контр-адмиралу, настоящему... выпрямился – на самом деле, еще сам испугался. Он позеленел, говорит: «Как фамилия?» Я говорю: «Высоц...» Он говорит: «Тьфу ты! Опять ты, Володька! Ну что ты делаешь?!» Он меня принял за своего! Они действительно настолько привыкли ко мне, что как будто бы я служил на судне».

При съемках этого фильма произошел и другой веселый случай. Во время обеденного перерыва Высоцкий, Прыгунов и Трещалов приехали на базу съемочной группы, что находилась в севастопольском Доме офицеров, – были они в морской форме. Жарко. Вышли на улицу попить газированной воды. А тут патруль, который, конечно, ни Трещалов, ни Прыгунов, ни Высоцкий приветствовать не стали.

Офицер спросил:

– Почему не приветствуете?..

– Да пошел ты...

Всех троих с шумом увезли в комендатуру. Через какое-то время режиссер стал искать своих артистов, а их нигде нет. И тут ему говорят:

– А ваши актеры давно сидят в комендатуре, сейчас их на «губу» отправят...

Недоразумение разъяснилось, но с этого дня любимым занятием молодых людей стало расхаживать в обеденный перерыв по городу в форме и никому честь не отдавать.

Фильм «713-й просит посадку» (студия «Ленфильм») вышел на экран 5 марта 1962 г., режиссер Г. Никулин, роль Высоцкого – американский морской пехотинец, съемки лето – осень 1962 г. В этом фильме Владимир Высоцкий впервые играет небольшую роль на протяжении всего фильма. Режиссер Г. Никулин вспоминает: «...он был робок, обаятелен и беззаветно предан работе, в нем что-то было, какая-то зреющая сила, которой он еще сам не осознал и никто не угадал...» Вот что рассказывал о съемках сам Высоцкий: «Я играл в фильме «713-й просит посадку». Там по сюжету усыпили команду летчиков. Я приставал к кому-то, помню, а потом ворвался в кабину к летчикам и пытался посадить самолет на воду. А меня за это отшвыривал Отар Коберидзе и бил. А человек он восточного темперамента, у него глаз загорался сразу нехорошим огнем. Я так смотрю и думаю: «Сейчас убьет, точно...» Режиссер все время говорил, что искусство требует жертв, так что я вот снова был жертвой. Ну, как видите, остался жив, все кончилось благополучно. Но с тех пор я всегда сценарии выбираю – смотрю, кто там кого бьет».

По словам партнера Высоцкого в фильме Отара Леонтьевича Коберидзе, каждое утро, перед выездом на съемку, Владимир обязательно звонил ему в номер и начинал читать новый стих, а, закончив, добавлял: «Ну, батя, заслужил я завтрак или нет?». Съемки были тяжелые, ночные, и потому Коберидзе искренне удивлялся, когда же Высоцкий успел написать стихотворение. Высоцкий только смеялся на это и, прекращая расспросы, говорил: «Я жду тебя в буфете!»

«Володе почему-то не нравилось называть меня по отчеству, – вспоминал Коберидзе о своих встречах в этот период с Высоцким. – При всем том он хотел приблизиться: желание иметь близкого друга, кому было бы излить горячую свою душу, – тогда он был влюблен! На съемках «713-го...» Владимир Высоцкий познакомился и сблизился со своей второй женой Людмилой Абрамовой, игравшей в этом фильме эпизодическую роль американской кинозвезды.) В одной из сцен во время съемок я должен был его ударить. Я создавал иллюзию удара, так как сделать это по-настоящему не мог. Володя подошел ко мне и на ухо сказал: «Батя, влепи мне по-настоящему, тебе я разрешаю»...

Фильм «Живые и мертвые» (студия «Мосфильм») вышел на экран 22 февраля 1964 г., режиссер А. Сторлпер, съемки – осень 1962 г., роль Высоцкого – веселый солдат.

На этот фильм Высоцкий также попал благодаря Л.С. Кочаряну, который был на съемках этой картины вторым режиссером. В ноябре Высоцкий и его жена Людмила Абрамовна ждали

первого ребенка. Безработный Владимир согласен был на любую роль. В «Живых и мертвых» он играет в трех эпизодах: при съемках переправы; затем вместе с лейтенантом Хорошевым (актер И.Б. Пушкарев) тащит по брустверу пулемет и в третьем, наиболее известном – когда едет в кузове грузовика:

– Значит, совсем оторвались от мира, – рассмеялся шофер.

– Вот это ты точно говоришь, что отстали от мира, – хлопнув по колену, сказал Золотарев (актер Ю. Дубровин), – меня, например, взять – я уже почти три месяца за баранку не держался.

– Мало кто за что три месяца не держался! – отозвался в углу кузова веселый голос, и то пока не жалуемся. Едем, да терпим! А он за свою баранку слезы льет... – это единственная фраза, сказанная в фильме В.С. Высоцким.

О кинокартине «Живые и мертвые» Владимир Семенович Высоцкий обычно не говорил в своих беседах-лекциях, но мы упоминаем о ней, потому что при работе над этим эпизодом с пулеметом произошла удивительная, неожиданная встреча. На съемки фильма приехал поэт К. Симонов. Он сразу заметил, что сцена с пулеметом не получается, актеры переигрывают, приостановил съемку и очень много рассказал о войне Высоцкому и Пушкареву. Безусловно, эта беседа обогатила знания молодого Высоцкого и, возможно, подтолкнула к написанию песен о войне. Кроме того, это было то время, когда буквально все напоминало о страшной трагедии народа, потерявшего миллионы человеческих жизней. Эта боль передавалась почти генетически, и соприкоснуться с ней можно было ежедневно совершенно неожиданно.

Съемки фильма проходили недалеко от пионерского лагеря, где и жили актеры. Однажды у Владимира Высоцкого и Игоря Пушкарева выпало несколько свободных от съемок дней. Они решили сходить в ближайший город Истру. Но второй режиссер Левон Кочарян воспротивился их решению и закрыл Высоцкого и Пушкарева в спальном корпусе в одежде, в которой те снимались: полной армейской экипировке сороковых годов. Переодеться было не во что, потому, удрав через окно, Игорь и Владимир оказались, в чем были у шоссе. Там остановили старенький грузовик и, объяснив молодому водителю, кто они, отправились в Истру. Отдохнули, позвонили в Москву и к вечеру пошли обратно в лагерь. По дороге артисты увидели, как в огородах картошку копают. Высоцкий предложил Пушкареву:

– Ерунда какая-то получается: на улице, можно сказать, лето, а мы уже месяц свежих овощей не видим. Давай зайдем и попросим продать огурчиков, там, помидорчиков, редисочки. И нам хорошо и ребятам принесем на салат. Этим и за «самоволку» оправдаемся.

«Видим – домик стоит весь кособокий, бабулька в огороде возится, – вспоминает Игорь Борисович Пушкарев, – открываем мы калитку, бабуля нас замечает, вытирает руки о фартук и медленно идет нам навстречу. Я начинаю что-то объяснять, а она подходит ближе, смотрит подслеповатыми глазами. И вдруг разглядела эти кубики у меня па петлицах да как бросится! Обхватила меня, об грудь бьется и плачет. И кубики эти все гладит. Я ошарашено поворачиваю голову к Володьке, а у того челюсть ходуном ходит, и стоит он бледный-бледный. Мы ничего не понимаем, а она все обнимает меня и плачет. С огромным трудом удалось ее успокоить и усадить на лавочку возле дома. Она, все еще всхлипывая, говори! нам:

– Пойдемте в дом, ребята, я вам покажу...

Вошли мы в дом – старая крестьянская изба, а на стене много-много фотографий. И два ее сына: у одного – один кубик на петлице, у второго – два, как и у меня. И она показывает, слезы у нее текут. Покажет, погладит мои петлицы и снова плачет. И у нас ком в горле, ничего сказать не можем.

Ну, постепенно объясняем ей, что мы со съемок фильма, что кино про 41 год. Она как услышала про «сорок первый», так опять в слезы. Долго мы ее успокаивали, наконец, сумели растолковать, что мы артисты, что у нас был выходной день, а теперь мы возвращаемся на съемку. Она нас ни за что не хотела отпускать. Двери заперла, полезла в погреб, достала множество всякой снеди: тут тебе и капуста, и огурчик, и мориск. Баночку достала. Обижать

ее отказом нельзя было, сели мы за стол, помянули ее сыновей. Она опять расплакалась, потом стала о них рассказывать... Долго это продолжалось. Мы рассказываем – она плачет, она говорит – у нас глаза на мокром месте. Жарко стало – мы гимнастерки сняли, а нас же по-настоящему одели: она как увидела исподнее солдатское – опять в слезы. Говорит:

– Давайте вам хоть постираю.

Мы объясняем, что, мол, нельзя, – это ведь игровое, его специально пачкают. Она настаивает. В общем, как мы не упирались, – она все же отвоевала у нас портянки и выстирала их...

Утром просыпаемся – на столе уже все стоит. Ну, мы позавтракали, распрощались с бабушкой, опять много слез было – и пошли напрямик к себе в лагерь...».

До создания военных песен Владимиром Высоцким, принесших ему любовь миллионов советских людей, прошедших тяжелые годы Великой Отечественной войны, оставалось несколько лет: а пока автор «Братских могил», «Звезд», «Он не вернулся из боя» жадно собирал материал, впитывал в себя все, что касалось тех далеких горьких страниц нашей истории.

Фильм «Штрафной удар» (киностудия им. Горького) вышел на экран 3 июня 1963 г., режиссер В. Дорман, роль Высоцкого – гимназист Александр Никулин, съемки – весна 1963 г.

Сам по себе фильм не представлял из себя чего-то особенного. Как обычно в советское время – заказ на то, чтобы было весело и про спорт. Но Владимир Высоцкий всегда рассказывал о нем довольно подробно и с удовольствием, потому что съемки в этом фильме требовали от него физического совершенствования.

«...Штрафной удар» – это была цветная комедия, довольно смешной фильм. Там Пуговкин играл главную роль, Пушкарев, Трещалов, Янковский Володя. Мы играли спортсменов, которые из города за деньги едут под чужими фамилиями выступать на сельскую спартакиаду. А моя специальность – конь и перекладина, потому что гимнастикой занимаюсь я. И там так здорово разбирался в спорте этот руководитель! – которого играет Пуговкин – он говорит фотокорреспонденту (перепутал все).

– А «он», понимаете, так насобачился, что через перекладину на коне сигает! – и этот корреспондент взял и напечатал в газете, что «он» – великолепный прыгун и так далее. И вот я вынужден был первый раз в жизни сесть на лошадь, по фильму. Но для того чтобы сделать вид, что ты не умеешь ездить, нужно было тренироваться полгода...

Там сложные трюки. Именно: когда лошадь шла на препятствие, я делал сальто назад – должен был подпасть в седло другой лошади. Но это, конечно, невозможно было сделать – это только в страшном сне может присниться. Поэтому уж как-то там монтировали, а вот выпрыгивание с лошади назад – это я выполнял сам... Незаметно убрал из стремян ноги и из седла делал сальто-мортале – там внизу уже ловили. Трюк очень опасный, потому что лошадь может ударить ногами. А тем более весной, когда лошади нервные.

...Это очень смешной эпизод: ноги болтаются, лошадь побежала в другую сторону. Она обегает препятствие – он вылетает из седла в другое... С удовольствием вспоминаю это время, потому что это стало моим любимым видом спорта. После этого теперь, как мне попадается «лошадиная» картина – только одна радость! Я очень люблю лошадей и, значит, люблю фильмы с лошадьми».

Несмотря на то, что у Высоцкого остались веселые воспоминания о работе над этой картиной, при выполнении сальто он сильно повредил ногу и долго хромал. Из-за этой травмы он не прошел в 1963 г. срочной службы на флоте, где его, как мы помним, давно принимали за своего.

Еще один фильм раннего периода творчества Высоцкого как киноактера – это «На заставной улице» (Реж. Ф. Филиппов, «Мосфильм», 1965). Здесь он сыграл положительного героя бригадира Петра Маркина, сыграл без особого энтузиазма, так как роль столь положительного персонажа, строителя, коммуниста и отца большого семейства была ему очень далека.

Как позже говорил зрелый актер-Высоцкий об этой роли: «молодой был, хватался за что, не попадая, сейчас бы я эту роль играть не стал».

Скитания Владимира Высоцкого по театрам, случайные съемки в кино, телеспектаклях, поездки с агитбригадами по Сибири и Казахстану продолжались до осени 1964 г.

По воспоминаниям Людмилы Абрамовой, в этот трудный период их жизни Высоцкий пытался «продать» свои песни известным мастерам эстрады:

–...сидели без копейки. Мы оба весьма обтрепанные, я с животом (я ждала Никиту), приехали на большой эстрадный концерт в летнем театре Эрмитажа и пошли по артистическим комнатам. Володя пел песни и предлагал их для исполнения. Мастера искусств пожимали плечами и только что не посылали его куда подальше. Наконец, мы добрались до комнаты, в которой готовился к выходу Кобзон. Он послушал Володю и сказал: «Никто твои песни петь не будет, но ты их будешь петь сам! Поверь мне, пройдет не так уж много времени, и ты станешь с ними выступать. А пока возьми у меня в долг – вернешь, когда появятся деньги!». Двадцати пяти рублей нам тогда вполне хватило...

Иосиф Кобзон оказался прав. Вскоре музыкальные произведения Владимира Высоцкого в авторском исполнении стали распространяться стихийно: пленки с его записями переписывались сотни раз, песни, спетые им где-нибудь в Ногинске или Томске, пелись с искажениями, иногда не под тот мотив, по всей стране и становились народными. Простота ритмов, модный так называемый «блатной» стиль, но в то же время без восхваления воровской жизни (что нередко в тюремных песнях) – все это было в ранних произведениях Высоцкого, и хотя позже он будет называть их «данью времени», «поиском формы», именно они в середине 70-х принесли ему известность как автору и исполнителю песен и помогли попасть в Театр на Таганке.

До появления там нового режиссера Юрия Петровича Любимова и обновления актерского состава весной-летом 1964 года. Театр драмы и комедии на Таганской площади пустовал. Он находился далеко от центра, и если народ туда и приходил, то в принудительном порядке, «в нагрузку» к «Современнику». Порой артистов на сцене было больше, чем зрителей в зале. И именно в это время Владимир Высоцкий опять был не у дел, искал «свой» театр. В какой-то мере Театр на Таганке случайно привлек его внимание. «Четырнадцать лет тому назад я пришел в помещение театра Маяковского. Шел спектакль «Добрый человек из Сезуана». Это был первый спектакль Театра на Таганке, просто театр играл в этот день в другом помещении. Я тогда там не работал. И вдруг я увидел на сцене такое, что меня потрясло. По всем делам, и по режиссуре, и особенно по поводу того, как там использованы песни в этом спектакле, песни и музыка. Было удивительно, потому что я вдруг увидел, что очень многое у нас совпадает».⁸

Владимир Высоцкий захотел во что бы то ни стало попасть в Театр на Таганке. Прежде чем он пришел туда с показом, о нем говорили главному режиссеру театра Юрию Петровичу Любимову многие: актриса Т. Додина, режиссер Анхель Гутьеррес. Станислав Любшин, которого сам Высоцкий называл человеком, порекомендовавшим его Любимову. Для показа был выбран отрывок из «Ведьмы» А.П. Чехова, где Владимир играл роль дьячка. Эту сцену он вместе с Таисией Додиной репетировал у нее дома, а затем представил на суд художественного совета Театра на Таганке. По воспоминаниям актрисы, нельзя сказать, что их выступление понравилось Юрию Петровичу, Высоцкий был очень зажат, переволновался, потому что для него в его тогдашнем положении это была единственная соломинка. Сам Любимов не однажды по-разному комментировал свою встречу с Высоцким и работу его в театре. Но никогда не скрывал, что взял Владимира Высоцкого в свой театр именно потому, что тот был автором известных песен. Наиболее ранние воспоминания Ю.П. Любимова на вечере памяти Высоцкого в ДК ЗИЛ г. Москвы так характеризуют встречу этих двух великих людей, судьбы которых переплелись и, вряд ли, состоялись в полной мере друг без друга:

⁸ Высоцкий В. Из спектакля «В поисках жанра» в Театре на Таганке, 1978 г.

– Каким он пришел? Смешным. Таким же хриплым, в кепочке, (кепочку снял вежливо) с гитарой, в пиджачке букле – тогда такие носили... Парень очень крепкий. Значит, сыграл чего-то, какую-то сценку. Ну, сыграл, не поймешь, собственно, братъ – не братъ... А потом я говорю: «У вас гитара?» – «Гитара». – «А вы хотите, значит, что-то исполнить?» – «Хочу». Я говорю: «Ну, пожалуйста, исполните...»

После того как Владимир Высоцкий исполнил несколько песен, Любимов спросил:

– Скажите, так это вы – автор песен, которые сейчас всюду поют?

– Да.

– Ну, я вас возьму.

В сентябре 1964 года Высоцкий был принят на работу в Театр на Таганке, сначала по договору, затем с определенным окладом. О его работе в этом театре речь пойдет в следующей главе. Но именно эту дату надо считать переломной в творческой судьбе Владимира Высоцкого, он поднялся на другой уровень написания песен, о чем сам не раз рассказывал на своих концертных выступлениях:

«...Мне, в общем-то, страшно повезло, что я не бросил писать стихи. Не бросил потому, что поступил работать в Театр на Таганке...

...Юрий Петрович Любимов, наш главный режиссер, отнесся с уважением к ... песням и предложил мне работать из-за того, что эти песни не были ни на кого похожи. Он очень сильно меня в этом поддерживал, всегда приглашал по вечерам к себе, когда у него бывали близкие друзья – писатели, поэты, художники, – и хотел, чтобы я им пел, пел, пел.

Я не знаю, но думаю, что именно из-за этого я продолжил писать. Мне было как-то неудобно, что я все время пою одно и то же. Тем более что я стеснялся петь дворовые песни в этих компаниях, а их у меня тогда было больше, чем не дворовых. Я хотел, чтобы всякий раз, когда я приходил в такие компании или когда мне предлагали написать песни для спектакля, мне не приходилось бы искать песни среди своего старого репертуара. И, видимо, больше всего на меня подействовало, что люди, работавшие рядом со мной, не оказались безразличными к этому делу.

Разные люди бывали в Театре на Таганке, и они всерьез отнеслись к моим стихам. Кроме Любимова, их заметили члены худсовета нашего театра. Это потрясающий народ! С одной стороны поэты: Евтушенко, Вознесенский, Самойлов, Слуцкий, Окуджава, Белла Ахмадулина, Левитанский; писатели: Абрамов, Можаев, в общем, «новомировцы», которые начинали печататься в «Новом мире». С другой стороны ученые: Капица. Блохинцев, Флеров... Капица-старший – самый-самый! – основоположник, удивительный человек... Бывали в театре и музыканты, Шостакович часто приходил...

А может быть, я ошибаюсь, может быть, я все равно продолжал бы писать, и не оказавшись на Таганке... но не так, как при поддержке театра. Человека всегда нужно вовремя подхватить, поддержать. Я знаю, что очень много талантов погибло из-за того, что не представилось подходящего случая. Правда, иногда надо «подставиться» под случай, как мишень под пулю, но сам случай должен быть. Кто-то должен появиться, кто-то должен обязательно поддержать, чтобы ты почувствовал: то, что делаешь ты, нужно!...»

Глава 4. Театр на Таганке

*...Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.*

*Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену идет раба,
И тут кончается искусство,
И дышит почва и судьба.*
Борис Пастернак

Время неумолимо. Прошли десятилетия, как в олимпийском июле 1980 г. Владимир Высоцкий сыграл свою последнюю роль на сцене театра. Очень сильно изменилась наша действительность, коснулись перемены и театральной жизни столицы. Нет уже того Театра на Таганке Любимова. И, может быть, совсем не случайно, со смертью Высоцкого начались кризис и распад когда-то сплоченного коллектива. Но время не поглотило воспоминания об игре на театральной сцене замечательного актера Владимира Высоцкого. Сколько прошло новых постановок «Гамлета», но при анализе каждой из них театральные критики и пресса, как правило, всегда вспоминают Гамлета Высоцкого. Конечно, жаль, что судить об игре в театре Владимира Семеновича следующие поколения театралов смогут лишь по коротким отрывкам из спектаклей, видео- и аудиозаписям монологов, стихов, песен к тем или иным постановкам в исполнении Высоцкого, снятых чаще всего не профессионалами, а любителями. Живущим в наше время, удивительно, что в 70-е годы прошлого века снимать спектакли в Театре на Таганке, да еще с таким дерзким, при жизни легендарным, всенародным любимцем не считалось возможным. А, уж, сколько пленки ушло на записи многочисленных заседаний, пленумов и съездов!

За почти шестнадцать лет работы в театре Любимова Владимир Высоцкий сыграл в четырнадцати постановках:

Добрый человек из Сезуана. Б. Брехт. 1964 (режиссер Ю. Любимов). Три роли: Второй бог, Муж, Янг Сун.

Герой нашего времени. М. Лермонтов. 1964 (режиссер Ю. Любимов). Драгунский капитан.

Антимиры. А. Вознесенский. 1965 (режиссеры Ю. Любимов, Н. Фоменко).

10 дней, которые потрясли мир. Джон Рид. 1965 (режиссер Ю. Любимов). Керенский, артист, анархист, солдат революции, часовой и другие.

Павшие и живые. Композиция Д. Самойлова, Ю. Грибанова. Ю. Любимова по стихам фронтовых поэтов. 1965 (режиссеры Ю. Любимов, Н. Фоменко). Кульчицкий, Гитлер, Чаплин, Гудзенко.

Жизнь Галилея. Б. Брехт. 1966 (режиссер Ю. Любимов). Галилей.

Послушайте! В. Маяковский 1966 (режиссер Ю. Любимов). Маяковский.

Пугачев. С. Есенин. 1967 (режиссеры Ю. Любимов, В. Раевский). Хлопуша.

Берегите ваши лица! А. Вознесенский. 1970 (режиссеры Ю. Любимов, Б. Глаголин).

Гамлет. В. Шекспир. 1971 (режиссер Ю. Любимов). Гамлет.

Пристегните ремни. Г. Бакланов, Ю. Любимов. 1975 (режиссер Ю. Любимов). Солдат.

Преступление и наказание. Ф. Достоевский. 1979 (режиссеры Ю. Любимов, Ю. Погребничко). Свидригайлов.

Надеемся, что наш рассказ о некоторых, наиболее известных ролях Владимира Высоцкого в Театре на Таганке, построенный на воспоминаниях, как самого актера, так и других, артистов, игравших с ним или видевших спектакли в этом театре, позволит читателям не только больше узнать о театральной работе, талантливого артиста и поэта, вложившего душу в свои песни и стихи, но понять ту атмосферу в которой ему пришлось жить.

Впервые Владимир Высоцкий вышел на сцену Театра на Таганке в роли Второго бога в спектакле «Добрый человек из Сезуана». Играл он ее недолго, пока не вернулся заболевший актер Климентьев, исполнявший ее постоянно. Следующая роль Высоцкого – Драгунский офицер в постановке по «Герою нашего времени» М.Ю. Лермонтова. После репетиций в этом спектакле он, кстати, впервые стал упоминаться в документах театра. Постановка была юбилейной и готовилась к 150-летию со дня рождения поэта. Об этой работе позже Высоцкий с иронией говорил: «...нам сказали: «Вот, сделайте спектакль к юбилею, а мы вам сделаем ремонт». Ну, мы, значит, старались – работали даже в холоде, под открытым небом. И сделали спектакль «Герой нашего времени», а они сделали ремонт. В общем, каков ремонт, таков и спектакль, потому что ремонт был плохой: все время текло. Ну, и спектакль мы довольно быстро сняли с репертуара», – но в этой первой роли драгунского офицера Владимиру удалось проявить себя: его герой циничен и коварен – именно он провоцирует дуэль между Печориным и Грушницким. В сцене «Фаталист» Высоцкий впервые пел – романс «Есть у меня твой силуэт» (музыка Таривердиева).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.